

Т. А. БОГДАНОВИЧ

ОЧЕРКИ ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

ЯПОНИИ

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ ДО

ПЕРЕВОРОТА

Изумительно быстрый рост Японии в течение последних сорока лет уже давно обращал на себя внимание европейцев. Так же удивительны, как ее природа, казались разыгрывавшиеся там события. На глазах современного поколения эта страна пережила какое-то сказочное превращение. Давно ли Гончаров и другие попадавшие туда путешественники описывали этих своеобразных азиатов, упорно гнавших от себя все европейское, т. е. все цивилизованное, желавших упрямо оставаться варварами. И вдруг через каких-нибудь три, четыре десятка лет на месте этой варварской страны оказывается сильное государство, с парламентским режимом, с могущественной армией и флотом, с быстро растущей промышленностью. Немудрено, что такая фантазмагория заставляла недоверчиво пожимать плечами одних и вызывала неудержимый восторг у других. Одно из двух — или это действительно простые копировальщики с европейцев и ловко перенимающие внешние стороны их цивилизации, или это гениальная нация, проделавшая в полстолетия путь, для которого Европе нужны были долгие века. Эти два взгляда и до сих пор более или менее явно проглядывают в злободневной литературе о Японии.

Но самая маленькая доля исторического чутья заставляет а priori недоверчиво отнестись к обоим этим мнениям. Совершенно немислимо себе представить, чтоб целый народ был вдруг охвачен стремлением к бессмысленному копированию всего чужого, и чужого до тех пор ненавистного и гонимого. Да и копирование в таких широких размерах, конечно, не может дать таких блестящих результатов, какие поражают всех желающих видеть. С другой стороны, не только целый народ, но даже и отдельный человек не переживает никогда таких головокружительных переворотов, когда все старое сразу без подготовки идет насмарку и на его месте властно воцаряется новое, идущее вразрез со всем прежним. Если покопаться в прошлом, всегда найдутся задатки этого нового, — явления и силы, подготовившие катастрофу. И волей-неволей приходится прийти к заключению, что, если бы не случайные внешние причины, вызвавшие переворот в таком ускоренном темпе, он все равно произошел бы, — произошел бы, быть может, медленнее, быть может, принял бы иные формы, но по существу привел к тому же.

Таким случайным толчком для Японии было открытие гаваней и знакомство с формами западноевропейской культуры, — хотя с точки зрения хода всемирной истории и это вторжение в Японию, и разрушение обособленности одной нации было, конечно, совсем неслучайным. Но и в отношении Японии стоит только повнимательнее всмотреться в ее историю, чтобы убедиться, что внутренний кризис, переживаемый теперь ею, далеко не явился результатом этого случайного толчка. Вся сущность и политических, и экономических реформ, предпринятых ею, была подготовлена всем ходом предыдущей истории Японии. Этот внешний толчок, быть может, только на некоторое время ускорил темп ее истории, но ни в каком случае не изменил ее направления.

История Японии во многих отношениях представляет значительный интерес. Сильно отличающаяся в частности от истории европейских стран, она доказывает в то же время, как общи в главных чертах законы исторического развития. Несмотря на полную обособленность от Европы, несмотря на своеобразные условия своей природы, Япония переживала, как мы увидим, в общем, те же главные стадии экономического и политического развития, как и европейские страны.

Японская мифология

Источником для изучения древнейшей японской истории служат две японские летописи: «Койики» и «Нихонги».

Обе они были написаны приблизительно одновременно, — «Койики» в самом начале VIII века христианской эры, «Нихонги» около 720 г. «Койики» распадается на три книги. Первая из них содержит предание о сотворении Мира и рассказы о первых мифических временах японской истории. Вторая и третья представляют собой летопись исторических событий с момента воцарения первого микадо, т. е. с первого года японской эры, по 1288, т. е., по нашему летосчислению, с 660 г. до Р. Х. по 628 по Р. Х. «Нихонги» начинается тоже с космогонии и мифов и доводит историю до 699 г. по Р. Х. Начиная с VIII века, количество японских источников, и современных, и написанных позднее, значительно увеличивается. Особенно же богатая историческая литература существует там относительно средневекового периода японской истории с XI по XVI в. Нет, конечно, недостатка и в работах по новой истории, с XVI века и до наших дней.

Японская космогония считает, конечно, Японию первозданной землей. О сотворении Мира и Японии там существует несколько мифов, отличающихся между собой в частности, но в главных чертах рисующих следующую картину.

Вначале был хаос. Земля и небо не были еще разделены. Земля плавала среди

остальной массы, как желток в яйце. Потом легкие, светлые частицы поднялись и образовали небо, а остаток стал землей. Из теплой рыхлой земли поднялся росток и стал одушевленным существом, куни-мако-тахи-на-микато. Потом появились таким же способом и другие существа — ками. Они все были одного пола, т. е. разделения полов не существовало. Эти первичные существа — ками — продолжали дальше создание Мира: они разъединили пять элементов, — огонь, воду, землю, металл и дерево, и определили свойства каждого. Последние из этих самостоятельно возникших, божественных созданий были первая пара — мужское божество Изанаги и женское — Изанами.

Стоя на парящем в вышине небесном мосту, Изанаги погрузил свое копье в волнующиеся под ним воды и поднял его вверх. С конца копья упала капля, и из нея образовался первый остров. Этот остров, по преданию, — Аваджи. Небесная пара спустилась на него, и Изанаги предложил обойти его кругом. Сам он пошел налево, а Изанами — направо. Когда они через день встретились, Изанами первая воскликнула: «Как приятно встретить достойного любви человека!» Но Изанаги рассердился, что женщина раньше его постигла искусство речи, и потребовал повторить прогулку. Следующий раз он уже издали закричал: «Как приятно встретить достойную любви женщину!»

Изанаги и Изанами были первой супружеской парой, и с тех пор существовала на свете любовь. После Аваджи божественная пара сотворила еще семь больших и до ста малых островов, и на них появилась жизнь. Первою у Изанами родилась дочь Аматеразу-о-миками, т. е. светлейшая небесная богиня. Она была прекрасна и озаряла своим светом и небо и землю. Но Изанаги был недоволен, что его первым ребенком оказалась дочь, и прогнал ее с земли на небо, дав ей во владение небесные пространства. Вторым ребенком оказалась тоже дочь, — богиня луны. Только третий родился мальчик, но и то плохо сложенный. В три года он еще не умел ходить. Родители сделали для него лодку из камфарного дерева и пустили на волны. Это был первый рыболов и бог текущих вод. Наконец, четвертым родился настоящий сын — Сосанео-но-микато. Отец был очень счастлив и возлагал на него все надежды. Но мальчик рос шаловливым и непокорным. Отец дал ему в управление океан, но он никогда не умел держать свое царство в порядке. Он постоянно кричал, пугал все живое, убивал людей и вырывал с корнем деревья.

В это время мать его родила еще сына — бога бурного огня и после рождения его удалилась в подземное царство. Изанаги, удрученный непокорством своего сына, совсем затосковал, когда жена покинула его, и отправился разыскивать ее в подземный мир, оставив своего любимца управлять миром. Он долго странствовал под землей и, наконец, встретил свою жену у ворот подземного дворца. Она согласилась вернуться с ним, но сказала, чтобы он шел назад на землю не оглядываясь, а она зайдет прежде во дворец сказать подземному царю, что она уходит. Иза-наги остался ждать ее у дверей. Потом ему показалось, что

она слишком долго не возвращается, и он бросился разыскивать ее внутрь дворца. Но уже войдя туда, он вспомнил, что осквернился, и бросился назад, чтобы поскорее очиститься. Не останавливаясь более, он добежал до земли и первым делом выкупался в очищающих водах.

На земле же в его отсутствие произошли большие беспорядки. Его любимый сын Сосанео продолжал мучить всех и особенно часто обижал свою старшую сестру — богиню солнца. Он выпускал диких лошадей на засеянные ею рисом поля и истреблял собранные запасы риса. Раз, когда она сидела у окна своего дворца и ткала, он схватил дикую лошадь, ободрал ее с хвоста до головы и в таком виде бросил ее в комнату сестры. Она так испугалась, что поранила себя челноком и убежала в пещеру, задвинув вход в нее большим камнем. На земле воцарился мрак. День перестал отличаться от ночи. Все боги пришли в смущение, а злые божества еще увеличивали сумятицу, производя всевозможный шум.

Тогда боги стали совещаться, каким образом вызвать богиню солнца из ее убежища. Наконец, они решили сказать ей, что появилась богиня еще более прекрасная, чем она сама, и тем возбудить ее любопытство. Бог-кузнец приготовил большое овальное зеркало, украшенное рамкой из драгоценных камней. Потом все боги собрались около пещеры, где скрывалась богиня солнца, стали петь, играть на разных инструментах и танцевать. Заинтересованная богиня выглянула в щелочку и спросила, что их так развеселило. Они ответили ей, что чествуют богиню еще более прекрасную, чем она сама. И при этом они поднесли к ней зеркало. Тогда она не выдержала, приотворила дверь и взглянула в зеркало. До тех пор она никогда не видела своего изображения и остановилась, пораженная. Боги окружили ее, вывели из дверей и завалили вход. Ее же отвели во дворец. После этого коварный Сосанео был изгнан с земли.

Но и дальше Сосанео, наряду с богиней солнца, фигурирует во множестве мифов, которыми японцы объясняют разные явления природы и появление разных искусств среди людей. Так, с началом земледелия связывается следующий миф. Однажды Сосанео явился в гости к богине плодородия. Она приняла его очень любезно и угощала своими произведениями, которые создавала тут же на его глазах: рисом, пшеницей, разными плодами, рыбой и животными. Сосанео пришел в ярость при виде, как легко она это делает, бросился на нее и убил ее. Когда богиня солнца узнала об этом, она послала посмотреть, что случилось с телом богини после ее смерти. Оказалось, что все оно было покрыто фруктовыми деревьями и злаками, а из головы ее вышли корова и лошадь. Богиня солнца обрадовалась и повелела людям возвращать теперь эти растения, как это делала сама богиня. Она объяснила им, где сеять рис и где сажать тутовые деревья, и как добывать шелк из кокона и как делать пряжу.

Сосанео приписываются также некоторые геройские подвиги, полезные для людей. Так, он истребил страшного дракона, залетевшего на землю во время его

изгнания и пожиравшего прекрасных девушек. Разрубив его пополам, он нашел внутри его прекрасный меч и подарил его своей сестре, богине солнца. Он же, по преданию, научил людей поэзии.

Мы не можем останавливаться подробнее на японской мифологии и разбирать заключающиеся в ней элементы сходства или различия с первобытными представлениями других народов. Но и в изложенных уже нами мифах можно даже при беглом взгляде подметить некоторые черты, сближающие их хотя бы с греческими, а иногда и с библейскими легендами.

Богиня солнца в японской мифологии является прямой родоначальницей царствующей в Японии династии. К концу мифического периода вся земля оказалась густо населенной людьми и божественными существами — ками. Между теми и другими постоянно вспыхивали ссоры, и земля стала ареной непрерывных раздоров. Тогда богиня солнца решила послать своих потомков управлять землей. Один из порожденных ею богов — Осихоми женился на Тамайори, внучке Изабаги и Изанами, и у них родился сын Ниничи-но-микото. Этого внука богиня солнца и решила отослать на землю. Отправляя его, она дала ему многочисленные сокровища и между прочим три главных: зеркало, камень и меч, добытый Сосанео. Прощаясь с ним, она сказала ему по одному преданию:

«Века за веками будут твои потомки управлять этой страной. Прими же мое наследство и эти три коронных талисмана. Когда ты захочешь увидеть меня, смотри в это зеркало. Будь для этой страны тем чистым светом, какой исходит от его поверхности. Управляй ее жителями с мягкостью и добротой, которые олицетворяются мягкой округлостью этого камня. Сражайся с врагами твоего царства этим мечом, убивай их его острием».

С этими словами она простилась с ним, и он с сонмом низших богов спустился по небесному мосту на землю, а небо после того отдалилось дальше от земли, и переходить эту бездну стало невозможно.

На земле у Ниничи родился сын, проживший 580 лет. Этот сын женился на морском чудовище, принявшем образ женщины. Его сын женился на своей тетке, и у него родился Джиму Тенно, — первый, окруженный легендами, микадо Японии.

Легендарный период истории

Не только происхождение Джиму Тенно, но и вся история его царствования, так же, как царствование всех первых японских микадо, не выдерживает строгой исторической критики. Самое существование их нельзя считать окончательно установленным. На их историю надо смотреть, как на историю покорения, объединения и первоначального упорядочения Японии племенем завоевателей

— ямато. Местом, откуда это племя направилось на завоевание страны, предание считает Киу-Сиу. На вопрос, откуда оно появилось там, легенда отвечает — с неба. Через небесный океан, по небесному мосту спустился прадед первого микадо со своими спутниками на японские острова. В этом мире можно видеть указание на то, что племя завоевателей не было коренным туземным племенем и что явилось оно из-за океана, по всей вероятности, конечно, не небесного. Как бы то ни было, оно довольно долгое время жило на Киу-Сиу, пока не разрослось так, что ему стало тесно на южном острове и явилась потребность двинуться дальше на север.

Поход Джиму Тенно продолжался много лет. Это не была просто завоевательная экспедиция, это было неудержимое движение вперед целого племени, вроде наступления готов на Европу, только в несколько меньшем масштабе. Джиму Тенно двигался сначала по Внутреннему морю, с юга на север, останавливаясь годами на берегах Шикоку и Ниппона и вступая в борьбу с туземными племенами. Туземцы, с которыми им приходилось воевать, были, главным образом, так называемые «пещерные жители» и племя такеру на юге, а дальше, к северу, айны. Пещерные жители отличались крайне малым ростом, хитростью и чрезвычайною жестокостью. Это были дикари на самой первобытной стадии культуры. Существует мнение, что смешение племени Ямато с этими карликами оказало влияние на рост японской расы. Но пока это нельзя считать установленным. Айны, наоборот, были крупное воинственное племя; шаг за шагом отстаивали они у победителей свои владения и часто, разбитые ими, снова возвращались и наносили им серьезные ураны. Легенда объясняет победы Джиму Тенно деятельным покровительством богов и в особенности прародительницы начальника, богини солнца. Целый ряд чудес сопровождал походы Джиму Тенно. Иногда, когда он сбивался с дороги, ему являлась громадная птица и летела перед его отрядом. Иногда во время сражения внезапная тьма вносила смятение в ряды врагов или, наоборот, нестерпимый небесный свет поражал их слепотой. Во всяком случае в конце концов туземцы были оттеснены далеко на север, и первое постоянное поселение было основано недалеко от теперешнего Киото, в той части Японии, которая, как и племя завоевателей, называлась тогда О-Ямато. Год постройки этого дворца и считается в Японии первым годом их летосчисления. В этом дворце были положены эмблемы царской власти — зеркало, меч и круглый камень или держава.

Но на воцарении Джиму Тенно в центре Японии не кончается, конечно, история завоевания страны. В течение всех последующих веков шла непрерывная борьба между завоевателями, все шире распространявшими свои владения, и туземцами, тревожившими их постоянными набегами. Только в I веке до Р. Х. или в VI в. японской эры страна несколько успокоилась, воинственные туземные племена водворились на далеких окраинах, а в центре начала быстрее развиваться мирная культура.

Первый микадо, обративший серьезное внимание на внутреннее развитие страны, был Суджин, царствовавший с 97 по 30 г. до Р. Х. Царствующий микадо мог назначать своим преемником любого из своих сыновей, а если их не было или они казались ему недостойными престола, усыновлять кого-нибудь из родственников и объявлять его своим наследником. Но при этом усыновленный считался законным сыном микадо. Царствующая династия раз навсегда признавалась непрерывной. И ныне царствующий император Мутсо Гито считается на этом основании прямым потомком основателя государства Джиму Тенно, 121-м микадо божественной и вечной династии.

При преемниках Суджина покоренные племена снова начали тревожить страну. В борьбе с ними особенно прославился сын микадо Кеико — Ямато-Даке (храбрейший в Ямато). Это один из любимейших японских героев древней истории. Описания его подвигов в летописях облечены в легендарную, часто поэтическую форму.

Когда он принудил к повиновению соседние племена, отец послал его на север воевать с храбрыми айнами. Ямато-Даке пустился в путь со своим отрядом, и его молодая жена отправилась с ними, не согласившись расстаться с мужем. Когда он плыл в большой лодке по морю, вдруг поднялась страшная буря, грозившая каждую минуту перевернуть лодку и потопить отважных пловцов. Воины уже готовились к смерти вместе со своим предводителем, как вдруг поднялась жена Ямато-Даке. «Боги требуют умиловительной жертвы, — сказала она, — я хочу умереть за тебя». И с этими словами она бросилась в грозные волны. Тотчас же буря стала утихать, и корабль благополучно приплыл к берегу.

Три года продолжался победоносный поход Ямато-Даке. Преодолевая бесчисленные трудности и опасности, он достиг своей цели, оттеснил айнов на крайний север и надолго лишил их охоты тревожить соседей.

Возвращаясь назад, Ямато-Даке стал на горе, близ теперешнего Токио, и, глядя вниз на волны, поглотившие его любимую жену, повторял: «Ад-зума, Адзума!» (моя жена, моя жена!). С тех пор долина около Токио носит название Адзума. Возможно, конечно, и наоборот, что это название само породило миф.

Люди не могли справиться с Ямато, но он оскорбил одного местного бога, и тот отравил его смертоносными газами, выделяющимися при извержении. Ямато-Даке умер, не дойдя до столицы, умер, слагая гимны природе.

После Ямато-Даке громадной славой в Японии пользуется императрица Джинго, совершившая первый завоевательный поход в Корею. В царствование ее мужа, микадо Чиуэ (191—200 г. по Р. Х.), произошло возмущение племени такеру на острове Киу-Сиу. Он отправился туда на кораблях, и жена последовала за ним. Когда они достигли Симоносекс-кого пролива и вышли на берег отдохнуть, Джинго стала совершать богослужебные обряды богу морей. В это время сам бог

явился к ней и сказал: «Для чего вы добиваетесь покорить Кумасо (отделившаяся область)? Это бедная пустынная страна, недостойная вашего войска. Есть на западе другая страна, гораздо лучше и богаче ее, страна очаровательная, как лицо прекрасной девушки. В ней есть золото и всякие сокровища. Молитесь мне, и я помогу вам овладеть ею, не пролив ни капли крови. Слава ваших побед покорит вам потом и Кумасо».

Когда императрица рассказала об этом своему мужу, он ответил ей: «Я смотрю туда и вижу только воду. Разве эта страна на небе? Если нет, ты обманываешь меня. Или ты молилась ложным богам».

Бог разгневался за такое неверие и поразил смертью Чиуэ. Но жена была решительнее его. Она собрала войска, рассказала воинам свое намерение и воодушевила их своим примером. Она сказала им: «Если вы победите, слава будет ваша, если потерпите неудачу, вина будет моя». Они сели на корабли и поплыли в Корею. Мирные жители Кореи были так поражены нашествием воинственных заморских людей, что почти не пытались оказывать сопротивление. Цари различных областей, на которые распадалась тогда Корея, добровольно прислали подарки Джинго и обещали постоянно выплачивать ей дань.

Императрице Джинго приписываются следующие наставления, которые она давала своим воинам:

«Не грабить».

«Не пренебрегать немногими врагами и не бояться многих».

«Щадить сдающихся и не давать пощады упорствующим».

«Победителю предстоит награда, беглецам — наказание».

Поход императрицы Джинго в Корею (201 г.) имел большое значение для Японии. С этих пор у нее установились правильные сношения с азиатским материком, не только с Кореей, но, что гораздо важнее, — с Китаем. Китай в это время стоял в культурном отношении несравненно выше Японии. В течение последующего времени Китай посылал в Японию своих учителей, своих ученых, своих врачей, и постепенно китайская письменность и китайская наука пустили корни в Японии и оказали значительное влияние на склад духовной жизни японцев. Это влияние продолжалось, то ослабевая, то усиливаясь, до XVIII века нашей эры, и только тогда началась серьезная борьба с ним. Из Китая же получила Япония в V и VI вв. ту религию, которая сменила ее первобытные верования и заняла в ней первенствующее место, а именно буддизм. Но на религии японцев нам придется подробнее остановиться позднее. Теперь мы перейдем к характеристике социально-экономического строя Японии в этот первый полулегендарный период ее истории.

Родовой быт

Три главных момента определили первобытный экономический и политический строй древней Японии. Во-первых, основное занятие ее жителей, обусловленное особенностями ее страны, во-вторых, их культ и в-третьих, способ переселения их в новую страну.

Вследствие островного положения Японии и обилия рыбы у ее берегов, рыбная ловля с незапамятных времен составляла преобладающее занятие ее жителей. Охота играла значительно меньшую роль, так как леса Японии не особенно богаты животными. Во всяком случае эти два вида промыслов доставляли единственное пропитание туземным жителям, если не считать дикорастущих плодов. Завоеватели, во время своей долгой борьбы с ними, принуждены были довольствоваться тем же. Но племя Ямато принесло с собой из своей неведомой родины значительно более высокий уровень потребностей, не удовлетворявшийся такими первобытными условиями жизни. Быть может, вследствие особенностей страны, почти лишенной травянистых лугов и бедной животными, быть может, вследствие принесенных с собой готовых навыков, оно не проходило обычной после охотничьего и рыболовного периода стадии кочевого и пастушеского быта. Там, где оно основывалось на постоянное жительство, оно переходило прямо к земледелию.

Как оно собственно переселялось с острова Киу-Сиу в центральную Японию, мы до некоторой степени уже видели, когда касались легенд о походах Джиму Тенно. Это было полузавоевательное, полупереселенческое движение целого племени, или во всяком случае храбрейшей его части, главным образом, мужчин, в сопровождении, вероятно, относительно небольшого количества женщин. Двигались они, главным образом, на лодках по Внутреннему японскому морю, от Киу-Сиу мимо Ши-коку и южного Ниппона к центральной Японии или Ямато. По отдельным лодкам переселенцы размещались не случайно. Каждую лодку занимали наиболее близкие между собой люди — родственники, имевшие главой своей старшего между собой, своего родоначальника. Иногда несколько лодок, наполненных родственниками, соединялись в одну небольшую флотилию под главенством общего родоначальника. Откуда надо вести начало родового быта, в котором застает племя Ямато переселение, неизвестно. Во всяком случае теперь уже установлено несомненно, что переселялись они родами и военачальником их был глава старшего рода. Эти же черты родового быта они сохранили, как мы увидим, и на новых местах.

Излагая древние японские мифы о происхождении мира и Японии, мы близко подошли к тому культу, который был непосредственно связан с ними. Японский народ, или, лучше сказать, народ, завоевавший Японию, вел свое происхождение от первых богов, создавших Японию, или в их глазах — весь известный им в ту пору мир. Поклоняясь богам, они чтили в них своих непосредственных предков. К сонму этих божественных предков с течением времени присоединились и те из

умирающих людей, которые при жизни приносили чем-нибудь пользу другим, и прежде всего непосредственные потомки богини солнца — все царствовавшие микадо. Это были главные, так сказать, всенародные предки, в культе которых объединялся весь народ. Но, кроме того, каждый род, приехавший и поселившийся вместе на новой родине, имел своих собственных предков, которых он почитал наравне с общими предками. Этот культ предков, соединенный с почитанием некоторых сил природы — солнца, луны, бога воды и т. п., или так называемая теперь религия Шинто, составляла единственную и общую религию японцев во весь первобытный период их истории вплоть до появления там буддизма в VI в. по Р. Х., т. е. в течение более тысячелетия.

Таким образом, на заре истории мы застаем в Японии народ, переселившийся туда родами, народ, находящийся в переходной стадии от рыболовного к земледельческому быту, и, наконец, народ, религиозные верования которого вылились в форму культа предков.

Посмотрим теперь, как сложилась и не могла не сложиться его жизнь в политическом и хозяйственном отношении. Прежде всего мы застаем племя Ямато в момент переселения и в момент борьбы. И то, и другое требовало предводителя и военачальника. Естественным образом, и то, и другое соединялось в лице главы того рода, который вел свою генеалогию прямо от солнца. Он был военным вождем своего племени, его императором, его микадо. Кроме того, как представитель первенствующего рода, он был естественным главою культа. Он приносил жертвы богам перед походом и воздвигал им храмы в мирное время. Но этими двумя функциями и исчерпывается первоначально почти все содержание его власти. Впоследствии к этому присоединилась еще одна — разбор столкновений между отдельными родами. Таким образом, в понятии микадо сливалось представление о трех видах власти — военачальника, главы культа и высшего судьи.

Во всем остальном влияние его было очень незначительно. Племя завоевателей состояло, как мы видели, во время переселения из отдельных родов, передвигавшихся и поселявшихся вместе. Оседлая жизнь еще усиливала родовую связь между членами рода. Земледелие, как мы уже упоминали, сопряжено в Японии с особыми трудностями. Заниматься им в одиночку в первобытное время не представляло никакой возможности. Только значительная группа людей — род, могла сделать тот или другой участок земли годным для обработки. Этим определился весь строй хозяйственных отношений. Род завладевал известным участком земли, который составлял после того его собственность, род совместно обрабатывал его и только по окончании уборки глава рода распределял между членами полученный сбор. Кроме земледелия, составлявшего основное занятие всех, всякий род производил внутри себя все необходимое, т. е. и жилища, и утварь, и оружие, и одежду, причем опять-таки глава рода определял, кому из

членов чем заниматься сверх обработки земли. Постепенно по мере расширения родов они распадались на несколько меньших, причем хозяйственной единицей считались мелкие роды или «уджи», весь же род в целом «о-уджи», т. е. большой род, связывался между собой, главным образом, общностью предков и общностью живого главы рода. Возможно, что первоначально этим главою рода являлся его действительный родоначальник, т. е. прародитель всех его членов. Но с течением времени, при разрастании и дроблении большого рода на отдельные ветви, такого реального родоначальника они не могли, конечно, иметь. Возможно, что главою рода оставался глава старшей ветви, но есть основания предполагать, что звание родовладыки было выборным и занимал его один из старейших членов рода по избранию. Недостаток источников не дает возможности твердо установить это. Во всяком случае избрание было пожизненным, и родовладыка имел полную неограниченную власть внутри своего рода. Он имел право суда и казни над всеми членами рода и право продажи их в рабство.

Отдельный человек, как полноправная личность, как индивидуум не существовал совсем. Он был только член рода, не имевший никаких прав, но зато и не несший никакой ответственности перед чем-нибудь высшим, чем его род. Представителем всех отдельных членов рода и перед богами, и перед их земными потомками — микадо — был родоначальник. Он совершал жертвы за весь род, он же собирал его и вел на войну по требованию микадо и он же позднее вносил подати микадо. Первое упоминание о регулярных податях, платимых микадо, встречается при микадо Суджине в I в. до Р. Х. У границ рода власть микадо кончалась, он имел дело не с подданными людьми, а с подданными родами, представителями которых служили их главы. Отдельный член рода знал только свою долю работы и свою долю результатов ее. Тем не менее он считался свободным членом рода, так как, кроме свободных, равных между собою, хотя и подчиненных родоначальнику членов, в состав рода входили нередко и рабы. По большей части эти рабы были взятые в плен туземцы, хотя, быть может, иногда это были провинившиеся и обращенные в рабство члены родов. О положении этих рабов в древнейшее время известно мало. Судя по их роли впоследствии, они, вероятно, несли те же работы, как и другие члены родов, и жили приблизительно так же, как и остальные, представляя собою такую же необходимую рабочую силу.

С точки зрения рабочей силы смотрели в то время и на женщину, и этим объясняется, главным образом, особенность ее положения. Женщина была первоначально таким же равноправным членом рода, как и мужчина, пожалуй, еще более ценным, так как женская роль в хозяйстве не менее необходима, а количество женщин у завоевателей было относительно невелико. Вследствие этого добыть женщину из другого рода представлялось чрезвычайно трудным, и браки совершались, главным образом, в пределах одного и того же рода между более или менее близкими родственниками. Исключение ставилось только для

единокровных, т. е. происходящих от одной матери, братьев и сестер. Когда же внутри рода жен не хватало, то мужчина соединялся с женщиной другого рода, не приводя ее к себе, т. е. женщина продолжала оставаться членом своего коренного рода, хотя муж ее принадлежал к другому роду. Позднее, к этому присоединилось насильственное умыкание жен из другого рода или любовный выкуп жен. Но жена и в том, и в другом случае продолжала оставаться самостоятельным членом рода, т. е. она зависела, как и мужчина, от главы рода и не становилась рабой мужа.

Внутренний строй старшего рода, т. е. рода микадо, ничем не отличался от строя остальных родов. Являясь только военачальником и верховным жрецом в отношении других родов, внутри своего рода, своего о-уджи микадо был таким же полновластным начальником и хозяином, как и другие родоначальники. Также как и другие большие роды — о-уджи, род микадо распадался на более мелкие — уджи. При этом родственные микадо уджи считались главными или старшими среди остальных. Позднее, когда уровень народных потребностей повысился, и каждому роду трудно было производить все необходимое его членам, стала появляться большая специализация труда. Но интересно, что и эта специализация занятий не разбила рамок родов и не повысила в начале значение индивидуума.

Каждым отдельным ремеслом стали заниматься не отдельные, способные к нему члены, хотя бы и разных родов, а целые роды. Эти роды ремесленников прежде всего стали выделяться из о-уджи микадо. Там впервые появились роды оружейных мастеров, роды зеркальщиков, роды ювелиров и др.

Таким образом, родовой быт, с общинным землевладением, или так называемый строй «уджи», обнимал собою всю жизнь древних японцев. В основе этого строя лежали, конечно, главным образом, хозяйственные причины. Один человек был слишком слаб, чтобы обеспечить себе существование в те суровые времена. Со всех сторон он был окружен опасностями, и природа не поддавалась его единичным усилиям. В силу необходимости, он не отделял себя от той группы людей, с которыми был связан естественными отношениями родства и соседства.

Культ, основанный на почитании общих предков, еще укреплял эту естественную связь, придавал ей характер святости, характер божественного установления. Большой род, «о-уджи», приехавший на одной флотилии лодок, совместно завладевший участком земли и совместно обрабатывающий его, вел свое происхождение от одних предков и тем обеспечивал нерасторжимость своих уз. Отдельный человек, задумавший отделиться от него, оказался бы не только беззащитным перед лицом природы, но он был бы лишен покровительства богов. Боги знали его только как члена рода, за которого предстательствует родоначальник. Один — он ничто в их глазах. И не только отдельный человек, но даже отдельная семейная ячейка — «ко», или маленький род «уджи», оказывались в такой же невозможности порвать свою связь с «о-уджи». Японские

историки посвятили много трудов подробному исследованию этой древнейшей основы быта своей страны и в половине прошлого века среди японской молодежи было очень сильно течение, ставившее своим идеалом этот первобытный общинно-родовой строй. Но в то самое время, как слагалась и укреплялась эта стройная система политической и хозяйственной организации общества, рядом с ней начинали действовать силы, подрывавшие ее основания.

Население росло, росли постепенно и его потребности, особенно после знакомства с более высокой культурой Кореи и Китая. Между тем, при существовавшем хозяйственном строе извлекать из земли больше не представляло возможности. Когда целая значительная территория принадлежала совместно одному большому роду и совместно обрабатывалась его членами, хозяйство могло вестись только экстенсивное. При увеличении населения оно переставало удовлетворять потребностям всех членов рода. Надо было одно из двух: или увеличить интенсивность культуры, или приобретать новые участки. И то, и другое одинаково вело к ослаблению родовых уз. Для перехода к более интенсивной культуре небольшие хозяйственные группы, — семьи или «ко», должны были получить больше самостоятельности, выделиться в более тесно связанную и более независимую от рода хозяйственную единицу. С другой стороны, приобретать новые участки по соседству с собой род не мог, так как вся центральная Япония — «о-ямато» была занята и заселена племенем завоевателей; пустующие земли можно было находить только по окраинам, отчасти отвоевывая их от соседей. Целые роды уже настолько осели к этому времени, что предпринимать новые переселения для них не представлялось удобным. Они выделяли из себя небольшие группы, по большей части семейные, которые уходили искать счастья на новые места. Естественным образом, у этих колониальных групп очень скоро ослабевала связь с метропольным родом.

Вместе с этим и вообще поднятие культуры в стране, и большая безопасность жизни делали для человека менее настоятельно необходимой защиту рода. Но культ предков, освящавший родовые отношения, был еще очень силен; он глубоко проник в сознание населения и противодействовал течениям, подтачивавшим значение рода. Экономические условия, создавшие данный строй, изменялись, но религиозный культ, выросший на почве его, был еще очень прочен и мешал разложению его.

Начало буддизма

Для того, чтобы окрепнуть, новое течение должно было найти себе поддержку в каком-нибудь новом культе, который разбил бы оковы рода, казавшиеся нерасторжимыми. Таким культом, принесшим с собой совершенно

новое миропонимание, совершенно новое отношение человека к самому себе, был буддизм. Он проник в Японию через Китай и Корею в VI веке по Р. Х. В эту эпоху буддизм уже далеко не был той отвлеченной моральной философией, как в первое время по основании его. Во время долгого пути через всю Азию он впитал в себя части различных, сначала индийских, а потом и других азиатских религий. В Китае под именем буддизма проповедовалась религия, имевшая очень мало общего с первоначальной, лишенной всякого внешнего культа, теорией самоусовершенствования и самоотречения. Это была многобожная религия, в которой Будда или Амида занял место верховного бога наряду с другими богами и богинями. Особенным почетом среди них пользовались тысячерукая Кванон — богиня милосердия и Фудо — бог огня и мудрости. Приобретая целый сонм богов, буддизм приобрел и соответствующие своему новому содержанию формы — жреческое сословие, храмы, торжественные богослужебные обряды, одним словом, всю ту наружную пышность, с которой он боролся вначале. Но, поступившись таким образом своей первоначальной чистотой, он стал вместе с этим более доступен и приобрел большую внешнюю привлекательность, не утратив все-таки высоты своего морального учения. Появившись в Японии, он сразу приобрел себе множество приверженцев. Его внешность действовала на воображение, а его моральные догмы поражали своей новизной и внутренней неопровержимостью. Первобытная японская религия не могла выдержать сравнения с ним ни в том, ни в другом отношении. Она была лишена почти всяких внешних форм и всякого морального кодекса. Она не ставила никаких нравственных требований человеку, она знала только род и требовала исполнения известных обрядов от его представителя.

Японские ученые объясняют это отсутствие этической стороны в первобытной японской религии тем, что японцы были народом от природы нравственным и поэтому не нуждались в особом нравственном кодексе. Мораль же вообще придумывают народы безнравственные, как, напр., китайцы.

Как бы то ни было, распространение буддизма в Японии явилось в ту эпоху большим шагом вперед. Человеческая личность вдруг приобретала значение, перед человеком ставился известный нравственный идеал, от него требовалось соблюдение известных заповедей, на него самого возлагалась ответственность за его поступки. И, наконец, перед ним открывалась перспектива будущих существований, т. е. перспектива будущей жизни. Религия Шинто совсем не говорила о посмертном существовании для членов рода. На бессмертие могли рассчитывать только микадо, родоначальники и особенно выдающиеся люди, вроде военачальников, обожествлявшиеся в момент смерти.

Первым деятельным пропагандистом буддизма в Японии был принц Шото-Кутаиши, сын императрицы Суико (593—628). Он сам принял новую веру и распространил ее среди своих приближенных и ближайших родов. Но этот акт

вызвал сильное неудовольствие в стране и чуть не стоил власти микадо. Принц Шото-Кутаиши, увлеченный преимуществами буддизма, не обратил внимания на то, что он вырывает самый фундамент власти микадо. Микадо правил, как прямой потомок богини солнца, как глава всенародного культа. Утрачивая эти свойства, он утрачивал весь свой престиж. Немедленно несколько сильных родов под предводительством Согауджи воспользовались новой религией, чтобы достичь полной независимости от центральной власти. Другие роды соединились для защиты старой религии. Возникла междоусобная война, при начале которой принц Шото покончил с собой, считая себя виновником бедствий родной страны.

Но, конечно, буддизм мог только по недоразумению усилить могущество отдельных родов. По всему своему содержанию он оказывал разрушительное влияние на самую сущность родового быта, на безусловное подчинение личности роду. В этом отношении он действовал именно в том направлении, как и те экономические течения, которые стали сказываться в эту эпоху. Он санкционировал стремление личности или хотя бы отдельной семейной ячейки выбиться из-под власти рода и начать жить за свой счет.

Реформа «таиква»

Центральная власть — микадо и его советники почувствовали начавшее зарождаться стремление личности к самостоятельности и поспешили воспользоваться им в пользу усиления этой власти. Один известный исторический деятель Японии, принц Нака-на-ойе, получивший очень широкое по тому времени китайское образование, предпринял ряд реформ, объединенных впоследствии под именем реформ «таиква».

Но если в экономическом отношении эти реформы опирались на нарождавшиеся уже в обществе новые течения, то вся та социально-политическая форма, в которую они были облечены, была совершенно чужда Японии и шла вразрез с ее предыдущей историей. Она была целиком заимствована из Китая и почти без изменения перенесена на японскую почву. В этом отношении реформа «таиква» представляет большую аналогию с попыткой Карла Великого привить целиком идею римского государства к новым общественным формам, слагавшимся в Западной Европе под двойным влиянием римских традиций и новых германских отношений. Как тут, так и там эта привитая извне реформа была заранее обречена на недолговечность.

В основу реформы «таиква» было положено представление о микадо, как о неограниченном и полновластном монархе. Из этого представления уже естественно вытекало уничтожение значения родов, как независимых и самоуправляющихся групп, у пределов которых кончалась прежде власть микадо.

Теперь все жители страны были объявлены непосредственными подданными микадо, обязанными платить ему подати и братья за оружие по его приказанию. Роды были официально объявлены уничтоженными. Вместо того, вся страна была поделена на провинции (около 300), управлявшиеся наместниками микадо и их помощниками. Таким образом, вместо федерации почти независимых родов под главенством одного предводителя явилась сразу неограниченная бюрократическая монархия. Административный механизм, — в подробности которого входить, конечно, не стоит, — был целиком перенесен из Китая и только слегка видоизменен согласно местным условиям. Но при всей своей стройности система эта не имела залогов прочности и очень скоро начала сама себя подтачивать. Чтобы уяснить себе это, нам придется остановиться несколько на тех экономических реформах, которые были предприняты одновременно, и на той организации общества, которая явилась следствием их.

Объявив микадо неограниченным монархом, смелые реформаторы объявили одновременно с этим, что вся земля составляет его полную собственность. Подданные могут только временно владеть ею. Вслед затем была произведена перепись населения, земля нарезана на равные участки и поделена между всеми. Род при этом совершенно не принимался во внимание. Земля давалась семье по числу ее членов. На долю каждого мужского члена считалось $21/2$ тана, т. е. около $1/4$ десятины (тан — около $1/10$ дес.), женщины получали третью долю. Через каждые шесть лет совершались переделы, — наделы умерших членов семьи отбирались, на долю детей, достигших 5-летнего возраста, нарезались новые. Семья, или «ко», была признана, таким образом, самой меньшей хозяйственной единицей. Это вполне согласовалось с тем течением, которое мы отмечали в предыдущую эпоху внутри родов. Следующей хозяйственной единицей была группа из 5 соседних домов или семей, получившая название «гохо». Семьи, входившие в состав «гохо», были соединены между собой круговой порукой. Это была тоже своего рода община, организованная, главным образом, в фискальных целях. С нее взыскивались подати, если какая-нибудь семья оказывалась в недоимках, она же должна была платить за выбывших членов до нового передела, на ней же лежало содержание неспособных к труду членов.

Наделы производились исключительно из земель, приготовленных под рисовую или садовую культуру. Леса, луга, неудобные или просто нераспаханные еще земли не вводились в переделы. Леса считались общей собственностью. Этот взгляд сохранился в Японии и до сих пор и ведет к таким же, как у нас, столкновениям из-за порубок.

Неподеленные еще остатки удобной земли, а также земли, считавшиеся неудобными, были объявлены личной собственностью микадо, и возделывались за его счет под наблюдением его наместников. Вот эти-то государственные земли и внесли зачатки разложения в эту стройно созданную крестьянско-

бюрократическую монархию.

По закону все чиновники должны были получать жалованье от микадо. В частности наместник мог удерживать прямо определенную часть податей, следовавших с его провинции. Очень скоро к этому жалованью стали присоединяться участки земли, жалуемые наместникам «за службу», пока лишь во временное пользование — нечто вроде наших поместий. Из этих же земель стали отрезаться куски и жаловаться просто любимцам микадо «за особые заслуги» в пожизненное или даже вечное владение — нечто вроде «вотчин». Оттуда же благочестивые микадо выделяли дары буддийским монастырям, находившимся под их особым покровительством. Наконец, с течением времени и просто частные люди, наиболее предприимчивые, получали разрешение поднять новь среди пустующих земель и оставить за собой в полное владение вновь обработанный участок.

Таким образом, рядом с общинными владениями, подлежавшими переделам, возникла частная земельная собственность.

Не прошло и века после проведения реформ «таиква», как картина общества снова сильно изменилась. Вместо небольших крестьянских общин, сплошь покрывавших страну и всюду одинаково управлявшихся чиновниками, в разных местах возникли более или менее крупные земельные собственники, с которыми микадо приходилось очень и очень считаться. Очень часто этими собственниками оказывались прежние главы родов, соединившие с новой наместнической властью неугасший еще в глазах населения престиж родовладыки.

Бюрократический строй совершенно не привился. Должности, которые были созданы для того, чтобы сосредоточить в руках микадо власть, бывшую раньше у родов, очень скоро стали наследственными в семьях, заменивших роды. Мало-помалу страна, спаянная ненадолго энергичной волею реформаторов, снова стала распадаться на отдельные области, наместники которых все меньше считались с центральной властью и все сильнее враждовали между собой.

Несколько раз более решительные микадо или случайно возвысившиеся роды пытались положить конец этому дроблению и розни и снова объединить страну, но попытки их всякий раз терпели неудачу.

В этом отношении VIII, IX и X вв. в Японии представляют, как мы увидим далее, много аналогий с эпохой возникновения феодализма во Франции. Первые Каролинги оказались так же бессильны бороться с разложением своей искусственной империи, как и первые микадо после энергичных авторов реформ. Вышедшие из среды феодальной знати, Капетинги оказались так же мало способны объединить Францию, как и возвысившийся в X веке род Фудживара — Японию. Слабость центральной власти зависела не от особенностей ее представителей, конечно, совершенно различных в обоих странах, а от того

общего исторического процесса, который совершался и тут, и там. В Японии, как и во Франции, неуклонно шел процесс феодализации, и остановить его искусственно не было никакой возможности. Он должен был совершить весь свой цикл, прежде чем пасть окончательно.

Мы остановимся теперь несколько подробнее на этом процессе, завершение которого и привело Японию к ее последнему перевороту.

Зарождение феодализма

В течение целого тысячелетия, протекшего со времени завоевания племенем Ямато Японии до реформ «таиква», вся страна представляла конгломерат слабо объединенных между собою социальных мирков. Сознания государственного единства и общегосударственных интересов не могло возникнуть. Не могла, следовательно, и окрепнуть сразу введенная сверху централизация. Прежние социальные навыки должны были несомненно так или иначе проявить себя, воспользоваться первой же оставленной им лазейкой, чтобы вступить в борьбу с объединяющей властью. Такой лазейкой была допущенная сначала в виде исключения частная собственность на землю. Происхождение ее было разное, но вся она стремилась приобрести один и тот же независимый от государства характер. Наместник, получая свои земли временно за службу, овладевал ими настолько прочно, — особенно на окраинах, — что не расставался с ними и оставляя место. Но и последнее случалось редко, — по большей части, когда должность попадала представителю какого-нибудь уважаемого рода, она не только оставалась за ним на всю жизнь, но и закреплялась за его потомством. Такой наследственный наместник становился совершенно независимым и бесконтрольным хозяином своих земель.

Любимцы микадо и придворные, получавшие земли «за особые заслуги», прежде всего выхлопывали, чтобы владения их не подлежали управлению наместников, т. е. обладали «иммунитетом». То же самое в видах поощрения даровалось и тем частным лицам, которые предпринимали за свой счет разработку девственных земель. Этот вид землевладения стал особенно быстро развиваться на окраинах и вообще на государственных территориях, так как он давал возможность частным людям обезопасить себя от произвола наместников. Крестьянские общины стали быстро разлагаться, выделяя из себя более предприимчивых людей, отправлявшихся на сторону искать счастья и приобретать более независимое положение собственников. Буддийские монастыри, конечно, тоже не замедлили приобрести иммунитет для своих земель. Естественным следствием такой иммунитетности всех этих земель явилось приобретение владельцами их некоторых прав государственной власти.

Действительно, если правительственный чиновник не имел внутри их никакой власти, то эта власть сама собой переходила к собственнику. Постепенно из землевладельца только он превращался в правителя на принадлежащем ему участке. Отрицательная привилегия, данная ему в виде иммунитета его земли, т. е. неподведомственности правительственным чиновникам, приводила к положительной, — к приобретению им самим известных прав государственной власти. Землевладение стало соединяться с некоторым государственным правами — момент характерный для феодализма.

Таким образом, в пределах государства выделились снова независимые от него участки, получившие название «шойенов». Владельцы их назывались тойонами. Шойоны старались объединить в своих руках возможно больше земли, дававшей им больше власти, и вели между собой борьбу за высшие государственные должности. В конце IX в. из среды этих шойонов особенно возвысился род Фудживара. Один из представителей его достиг такого могущества, что присвоил себе титул «регента» и стал управлять страной от имени совершенно бессильного в то время микадо. Титул «регента» стал после того наследственным в роду Фудживара, и микадо продолжали царствовать лишь номинально.

Первое время регентам удалось внести некоторый порядок в дела управления и поддержать внутренний мир. Наступило временное затишье, и в культурных центрах страны стали быстро развиваться разные искусства и литература. Этот период, — конец IX и X век, — считается веком первого расцвета духовной жизни в Японии. Среди японских ученых того времени особенно прославился Сугавара Мичизане, получивший впоследствии имя Тенджина. Мичизане считался первым знатоком китайской литературы, и сам писал исторические сочинения и поэмы на китайском языке. Мичизане был воспитателем наследного принца и, когда тот воцарился, получил звание первого министра. Но Фудживара не могли допустить возвышения человека, не принадлежавшего к их роду. Они добились его изгнания, и он умер в Киу-Сиу в 903 г. Род Мичизане, в отличие от других родов, всегда отличался большой приверженностью к наукам и литературе, и очень многие литераторы и ученые Японии в последующие эпохи носили эту фамилию, не исчезнувшую и до нашего времени. Имя их полулегендарного предка до сих пор пользуется там большим почетом. Но недолго продолжалось мирное процветание страны под властью Фудживара. Последующие регенты оказались так же мало способны уничтожить самый источник смут, как и микадо. Уже в конце X и в XI в. снова с прежней силой вспыхивают междоусобные раздоры. К этому времени организация общества на новых началах сделала еще шаг вперед.

Шойоны стали притягивать к себе не только пустующие земли, но и населенные участки. Иногда это делалось добровольно, иногда по принуждению. Жизнь мелких земельных собственников среди крупных враждующих между собой соседей оказывалась чересчур опасной. Правительственные чиновники не

имели часто сил защитить их. Для них выгоднее было обеспечить себе защиту какого-нибудь крупного шойона. С этой целью они признавали верховную власть шойона над своим участком и иногда обязывались выплачивать ему часть сбора. Взамен этого участок их освобождался от власти наместника, и они получали поддержку в случае нападения другого шойона. Возникала, следовательно, феодальная зависимость мелкого земельного собственника от крупного. Рядом с этими земельными отношениями такая же зависимость возникала и на почве личных отношений.

Вследствие слабости правительственной власти крупным шойонам для охраны своих владений необходимо было иметь собственных воинов. С другой стороны, при разложении прежних крестьянских общин появились люди, не приобретшие себе личной собственности и не имевшие никакой прицепки к земле. Эти люди охотно шли на службу к крупному шойону, клялись ему в верности, составляли его постоянную вооруженную дружину, а взамен получали от него содержание — жилище и рис.

Эти два вида зависимости — земельная и личная — часто сливались и переплетались. Воины, особенно у крупных шойонов, с течением времени стали получать в вознаграждение за службу вместо жалованья участки земли и, таким образом, превращались в вассалов, а более крупные земельные собственники, отдававшиеся под его руку, получали право носить оружие. Все эти вассалы получили впоследствии название самураев, — имеющих право носить меч. И те, и другие, по возможности, обрабатывали землю не собственными руками, а при помощи земледельческого населения.

Значительно ниже вассалов, приносивших шойонам свои более или менее крупные земельные участки, стояла остальная масса населения — бывшие земледельцы-общинники. Когда наиболее сильные элементы выделились из общины и переделы перестали практиковаться на деле, общины, как таковые, в сущности перестали существовать. Остались мелкие землевладельцы, сидящие на ничтожных наделах. Отстоять свою самостоятельность от крупных шойонов они, конечно, были не в силах. Лишенные поддержки слабеющей правительственной власти, они часто сами предлагали одному из соседних шойонов, или даже самураев, работать на него и платить ему подати за то, чтобы он защищал их от остальных.

Сами даймиосы часто не в силах были отстаивать свою самостоятельность от более сильных соседей. Более мелкие роды разорялись совершенно или главы их должны были отдаваться в вассальную зависимость более могущественным феодалам. Крупные, наоборот, страшно усиливались и превращались в настоящих удельных князей, объединявших в своих руках громадные земли и постоянно воевавших между собой. Среди них к середине XVI века особенно усилился знаменитый впоследствии род Токугава, соединивший в своих руках до трети всей

территории Японии.

Таким образом, объединенный по мысли Иоротомо, феодальный строй распался и снова стал на деле многоголовым. Страна более чем когда-нибудь страдала от этого разъединения. Но шогуну из рода Ашикага были совершенно бессильны совершить необходимый для страны шаг к объединению. Их род упал и обессил.

Переселившись из прежней резиденции шогунов Камакуры в Киото, Ашикага перестали считаться главнокомандующими и утратили окружавший первых шогунов ореол военного могущества. Они соперничали в пышности с микадо и требовали себе равных с ним почестей. В конце концов они даже совсем отказали микадо в следуемых ему по закону знаках верноподданнического почтения. Таким образом, они, с одной стороны, перестали внушать страх, а с другой — возбудили против себя неудовольствие недостатком видимого уважения к источнику власти-микадо. И в половине XVI века они держались более по инерции, и нужно было только обладать некоторою предприимчивостью, чтобы лишить их власти. Такая предприимчивость досталась в удел Оты Набунага, первого из трех крупных исторических деятелей Японии второй половины XVI века. Эти три человека — Набунага, Хидеёши и Иеязу — сыграли большую роль в истории Японии. Они прекратили, наконец, истощавшие ее междоусобицы и положили начало тому порядку вещей, который длился до самой революции 1868 года.

Набунага и христианство в Японии

Ота Набунага вел свое происхождение от старинного рода Таира, разбитого некогда Иоритомой. К началу XVI века одна его ветвь, Ота, снова усилилась, приобрела значительные земли в центре Японии, и стала соперничать с другими могущественными родами. В середине XVI века, глава ее, Набунага, сблизился с шогуном и получил звание полководца. Но скоро между обоими возникли несогласия. Набунага, пользуясь преданностью войск, арестовал внезапно прежнего шогуна, низложил его и объявил самое звание шогуна уничтоженным (1564 г.). Все это произошло так быстро, что микадо узнал об этом только *post factum*. Понятно, что при таких условиях уничтожение должности шогуна не вернуло микадо реальной власти. В действительности, она просто перешла к Набунага, хотя он принял только звание *наи-дай-джина*, т. е. первого министра.

Набунага отличался большой энергией и выдающимися военными талантами. Устранив шогуна, он немедленно принялся за успокоение страны. Он напомнил *даймиосам* о их зависимости от микадо и напомнил самым действительным способом — с оружием в руках. Там, где попы хивали раздоры, и феодалы отказывались подчиниться верховному суду правительства, являлся Набунага

с войском и мечом водворял мир. В несколько лет он усмирил почти всех непокорных феодалов и заставил их положить оружие. Но самую непримиримую борьбу он вел с буддийскими монастырями.

Мы упоминали уже, что буддийские монастыри одними из первых стали приобретать частную земельную собственность. Постепенно из пожертвований благочестивых микадо и частных лиц у них составились очень значительные земельные угодья, в которых духовные лица пользовались всеми сеньорьяльными правами. Одним словом, они превратились в таких же феодальных владельцев, как и даймиосы, и ни мало не отставали от них в воинственных нравах. В этом отношении история буддизма представляет значительные аналогии с историей католической церкви в Европе. Буддийское духовенство так же, как и католическое, не желало ограничиться одной духовной областью, оно также стремилось к светской власти, явившейся и тут источником громадных злоупотреблений. В довершение аналогии в XIV и XV вв. среди японских буддистов возникло сильное реформаторское течение. Появилось несколько новых сект, и некоторые из них стояли не исключительно на религиозной почве. Самые популярные из них, секты Шин и Ничирен носили даже до некоторой степени революционный характер. Между этими сектами и приверженцами старого ортодоксального буддизма шла жаркая борьба. Очень часто из области прений борьба эта переходила XVI область кулачной расправы, и земли тех или других монастырей становились ареною кровавых столкновений. К началу XVI века эти религиозные распри достигли своего апогея. Явилось несколько религиозных центров, привлекавших к себе массы народа и служивших очагами постоянных волнений.

Набунага решил покончить со всем этим. Сам он получил воспитание в шинтоистском монастыре, и в нем с детства укоренилась ненависть и презрение к буддийским монахам, без различия направлений. Секты, как различные течения религиозной мысли, мало интересовали его, он смотрел на них, главным образом, как на источник смут. Больше же всего он вооружался против светской власти монастырей, и ортодоксальных, и перешедших в сектантство. Для того, чтобы положить конец всему этому, он решил уничтожить несколько особенно могущественных монастырей. Прежде всего он отправился к острову Бива, где был монастырь секты Шин, привлекавший к себе десятки тысяч богомольцев.

У подножия горы он остановился и приказал своим генералам сжечь монастырь. Те сначала были смущены таким приказанием и отказывались повиноваться. Тогда Набунага сказал им целую речь, доказывая, что от этих монастырей исходит главная смута в стране. Сами монахи только пьют и едят, обирая легковерных людей и нарушают даже собственные уставы, а своих поклонников возбуждают к неповиновению. Поэтому на них надо смотреть, как на мятежников и поступать с ними так же, как он поступал с непокорными

даймиосами.

Убежденные его красноречием, генералы не протестовали более, и монастырь был уничтожен. Множество монахов было перебито при этом, а земли их отобраны в казну. Такая же участь постигла и другой монастырь, принадлежавший секте Ничирен. Вообще, могуществу буддийских монастырей Набунага нанес сильный удар, от которого они долго не могли оправиться.

В противовес буддистам Набунага оказывал большое покровительство христианам, незадолго перед тем впервые появившимся в Японии. Вся история христианства в Японии занимает менее одного столетия. Мы остановимся на ней теперь, чтобы не возвращаться к ней в несколько приемов.

Первым христианским миссионером в Японии был иезуитский патер Франциск Ксаверий, причисленный позднее за свою миссионерскую деятельность к лику святых. Он проповедовал сначала в Китае, а потом, после вторичного путешествия Пинто в Японию, отправился туда с двумя обращенными им ранее японцами. В Японии он прожил всего два года, с 1549 по 1551 год, и в этот небольшой период достиг там громадных результатов. Вокруг него образовалась целая японская паства. Ходили рассказы, что он совершает чудеса, и любопытные стекались к нему со всего юга Японии. После его отъезда и смерти в 1551 году, дело христианской проповеди шло также успешно. К концу XVI века новообращенные считались уже десятками и сотнями тысяч. Наиболее осторожные историки определяют максимальное количество христиан в ту эпоху в 600 000, большинство же полагает, что их было более миллиона.

Такой громадный успех христианства или, лучше сказать, католицизма, на первых порах объясняется, конечно, различными причинами. Мы уже говорили, что в ту эпоху в Японии началось вообще сильное религиозное брожение, и внутри буддизма образовались различные секты. Новая религия, окруженная еще большим блеском и пышностью, чем буддизм, сильно действовала на впечатлительных японцев. Обещание непосредственной загробной награды выгодно отличало в их глазах новую веру от буддизма с его бесконечным рядом существований. Иезуитский орден, организовавший первую японскую миссию, не щадил средств для ее процветания. Значительные суммы, какими располагали проповедники новой религии, тоже не остались без влияния на судьбу их проповеди. Вечно нуждающиеся в деньгах даймиосы, видя их богатство, чувствовали к ним невольное уважение и охотно вступали с ними в более тесные отношения. Ко времени возвышения Набунаги весь остров Киу-Сиу был уже заселен новообращенными христианами. Набунага увидел в них естественных союзников против ненавистных ему буддийских бонз. Буддийские монахи казались ему, главным образом, опасными своим вторжением в светские дела, своим растущим землевладением и своими раздорами, приводившими к вооруженным столкновениям между сторонниками разных сект. В христианских

же патерах он видел исключительно религиозных миссионеров, чуждых всяких мирских стремлений.

Но очень скоро новые проповедники заставили изменить первоначальное мнение о себе; соответственно с этим круто переменилось и отношение к ним, искренно дружелюбное вначале. Быстрые успехи иезуитов привлекли в Японию множество миссионеров разных других католических орденов — францисканцев, доминиканцев и августинцев. Вместе с стремлением заполучить новых овец в свое стадо, они принесли с собой тот дух нетерпимости и религиозного фанатизма, который царил в ту эпоху в Европе — особенно в Испании, откуда приезжало большинство из них. Эта религиозная нетерпимость проявлялась не только по отношению к местным языческим верованиям, но и во взаимных отношениях членов различных католических орденов. На новой почве между ними сейчас же разгорелась старая вражда, еще более яростная тут, где дело шло о новообращенных душах. Взаимные обвинения, угрозы, жалобы Риму, отлучения от церкви — весь арсенал выработанных в старом отечестве приемов борьбы пускался в ход здесь к соблазну прозелитов и к большой радости буддийских бонз.

Способы религиозной пропаганды тоже не всегда были безукоризненны. Прежде всего миссионеры старались обыкновенно приобрести влияние на местного даймиоса. Благодаря возможности не стесняться в денежных средствах им это по большей части легко удавалось. Если даймиос изъявлял согласие креститься, остальное делалось при его помощи самым упрощенным способом. Побуждаемый своим духовным отцом, а быть может, и принуждаемый им, даймиос издавал приказ, повелевающий всем его подданным принять новую веру, а буддистским и шинтоистским монахам — оставить его владения. Нередко такие приказы подкреплялись еще и оружием. Миссионерам оставалось только пожинать обильную жатву. Вот несколько отрывков из отчетов иезуитских патеров, рисующих их успехи. «В 1577 году лорд (даймиос) острова Амакузы издал указ, которым его подданным — все равно бонзам или дворянам (самураям), ремесленникам или торговцам — предписывалось принять христианство или оставить его владения. Они почти все подчинились и приняли крещение, так что в короткое время в его владениях образовалось более двадцати церквей. Бог творит чудеса, чтобы укрепить верных в их вере». Но не всегда дело обходилось так мирно. «Король Омуры (опять-таки даймиос, — миссионеры плохо разбирались в политическом строе страны), сделавшийся христианином в 1562 г., объявил открытую войну дьяволам (т. е. бонзам). Он разослал несколько отрядов по своему королевству, чтобы разрушать храмы и уничтожать идолов, не обращая внимания на ярость бонз». Даймиос области Бунго превратил в пепел один из самых великолепных буддийских храмов и разрушил триста монастырей, иезуитский патер замечает по этому поводу: «Пламенное усердие этого принца явно доказывает силу его христианской веры и любви» (Griffis «The micado's

Емірге» стр. 253).

Такого рода доказательства христианской любви не могли, конечно, расположить население к новой вере, которую в начале оно встретило очень сочувственно. Но всего больше вооружала против иностранцев вообще и против миссионеров в частности их торговля рабами. Этот ужасный вид торговли совершенно не был известен до тех пор в Японии. Если там и существовала продажа крепостных, то это была во всяком случае продажа с землей и в пределах одной и той же страны, скорей перемена подданства, чем перепродажа. Европейцы, наоборот, широко развивали эту торговлю во всех вновь открытых странах. Они же попытались привить ее и в Японии. Страна была страшно разорена в ту пору, и доставать рабов не представляло особых затруднений. Всевозможные европейские авантюристы, нахлынувшие туда вслед за миссионерами, и хитростью, и силою, и деньгами без труда овладевали людьми и уводили их на продажу в другие страны. Миссионеры, если и не участвовали непосредственно в этих гнусных проделках, во всяком случае покрывали их своим авторитетом.

Немудрено, что через сорок лет после первого появления Франциска Ксаверия и через двадцать лет после Набунаги, в 1587 г., микадо издает декрет об изгнании иноземных миссионеров. В начале декрет этот не оказал особенного влияния. Миссионеры, рассчитывая на свое местное влияние и на слабость центрального правительства, продолжали свою деятельность и открыто смеялись над всеми указами микадо. Тогда против них решено было употребить более крутые меры. В 1596 г. несколько францисканских и иезуитских патеров были схвачены и казнены в Нагасаки.

После того снова наступило временное затишье, которым воспользовались миссионеры для укрепления своего влияния на юге. Возникло даже подозрение, что они замышляют предать Японию в руки иноземцев. Встревоженный этим, тогдашний шогун Иеязу решился на энергичную меру, он приказал схватить всех христианских проповедников, к какому бы ордену и какой бы нации они ни принадлежали, посадить их на джонки и вывезти из пределов страны.

Всего было вывезено около 300 священников, но и после того оказалось, что их осталось еще значительное количество, и в следующем году он решил оружием разгромить главный оплот их — Осаку. По словам иезуитских историков, во время этого похода Иеязу погибло до 100 000 христиан. С этих пор преследования христиан не прекращались до 1624 г., когда был издан эдикт об изгнании не только миссионеров, но и всех вообще иностранцев, исключая китайцев и голландцев. Несмотря на такие крутые меры, христианство не сразу угасло в Японии. Среди многих тысяч обращенных только для счета душ там оказалась довольно значительная группа искренно принявших новую религию. Они не хотели так легко расстаться с ней и продолжали оставаться

христианами, несмотря на все запрещения и даже гонения. История этих одиноких христианских общин в Японии полна примерами героической твердости и горячей преданности вере. Наконец, в 1637 г., доведенные до отчаяния преследованиями, японские христиане, по большей части простые земледельцы, овладели замком Шимбара на Киу-Сиу и подняли знамя восстания. Войска, посланные на усмирение их, встретили мужественное и отчаянное сопротивление. Только по истечении двух месяцев упорной осады с воды и суши крепость была взята. Большая часть осажденных были перебиты или сброшены в море, со скалы Паппенбург, остатки бежали на Формозу.

После этого был издан новый эдикт, возвещавший, что «вредная секта», наконец, истреблена окончательно. Этим же эдиктом подтверждалось, что покуда солнце светит над Японией, ни один иностранец не будет жить в ней, и ни один японец не покинет ее. Исключение опять-таки было сделано для нескольких десятков голландцев, получивших разрешение жить в местечке Дешима близ Нагасаки.

Хидейоши прилагал много забот к улучшению японского флота вообще. Японские корабли в эту эпоху достигли большого совершенства. По постройке они считаются выше кораблей Колумба и не уступают голландским и португальским торговым судам того времени.

И Набунага, и Хидейоши в период своего владычества умели держать даймиосов в повиновении и заставлять их считаться с центральным правительством. Но оба они достигли этого только с помощью оружия, путем непосредственного принуждения. Они не смогли еще внушить тем идеи о необходимости и неизбежности объединения всей страны вокруг одного государственного центра. Поэтому со смертью каждого из них снова вспыхивали волнения. Привыкшие к полной независимости, даймиосы надеялись, что по смерти их врага кончится и их подчинение центральной власти. Каждый раз восстановленное с таким трудом объединение страны снова грозило распасться. Так было и по смерти Хидейоши. Сразу образовалось несколько враждующих партий. Одна выставляла претендентом сына Хидейоши — Хидейори; другая — племянника Набунаги, который считался, между прочим, покровителем христиан. Третья, наконец, объединилась под предводительством Иеязу, опытного военачальника, сражавшегося еще в войсках Набунаги и Хидейоши, происходившего из могущественного рода Токугава. Представители знатных родов сразу почувствовали в Иеязу опасного противника, который в случае победы заставит их тяжело почувствовать свою власть. Они все объединились против него и долго и упорно оказывали ему сопротивление. Последняя жестокая битва произошла в 1600 году у Секигахары, близ озера Бива. Иеязу одержал решительную победу. Битва при Секи-гахаре — самая жестокая и кровопролитная в японской истории. Японские историки полагают, что убито

было до 40 000 человек, но это, по всей вероятности, преувеличение. Большая часть предводителей союзной армии совершила над собой харакири.

Победа Иеязу считается поворотным моментом в истории Японии. Некоторые историки придают ей совершенно исключительное значение: «Эта битва, — пишет Гриффис, —определила судьбу Японии более чем на два столетия, определила падение рода Набунаги и Хидейоши и упрочение шогуната в роде Токугава, она решила судьбу христианства, обособление Японии от всего мира, утверждение системы дуализма и феодализма, славу и величие Иедо и мир в Японии на 268 лет» (Griffis, ст. 266).

В этих словах, конечно, очень много преувеличения. Кроме чисто личного вопроса о преобладании одного рода над другим, — и то в значительной степени обусловленного исключительным могуществом рода Токугава, — все остальные вопросы, решавшиеся в этой битве, были уже предрешены историей. Мы видели, что судьба христианских миссионеров была обусловлена внутренними причинами, а не случайными симпатиями или антипатиями к ним правителей. Мы видели, что феодализм закончил свою эволюцию к тому времени, и страна настоятельно требовала объединения и мира. И это объединение уже было в значительной степени осуществлено непосредственными предшественниками Иеязу. Битва при Секигахаре была только последней отчаянной попыткой сопротивления со стороны неуступающих еще сил прошлого, но попыткой заранее обреченной на неудачу. Конечно, это страшное поражение нанесло им окончательный удар, и Иеязу мог без помехи заняться теперь выработкой основ того нового строя, который водворился с тех пор в Японии на два с половиною века. Сущность этого строя была уже определена ходом событий — она заключалась в объединении, в централизации. Она несомненно должна была привести Японию к такой же абсолютной полицейско-бюрократической монархии, какая явилась и в европейских государствах на смену феодализма. Отличительной чертой японской монархии служит лишь дуалистический характер центральной власти. Власть была одна, но носителем считался микадо, а осуществлял ее, как бы по уполномочию, шогун.

Вся детальная разработка основ нового строя принадлежит целиком Иеязу и сохранилась почти без изменения в течение всего периода, пока шогунат находился в наследственном владении его рода. Мы остановимся теперь на характеристике этого строя, обеспечившего Японии мир и возможность дальнейшего культурного развития и позволившего ей накопить силы для следующего шага в историческом развитии — ограничения центральной власти.

Господство абсолютизма. Политический и экономический строй.

XVII и XVIII века в Японии очень часто называют временем расцвета феодализма. Это так же верно, как если бы мы назвали эпохой исключительного господства феодализма те же самые века во Франции. Действительно, в экономической области феодальные отношения продолжают царить и накладывать по-прежнему отпечаток на все социальные отношения. Феодальные путы, сковывающие население, еще очень крепки и сильно мешают свободному развитию хозяйственной жизни страны. Но политический строй покоится уже совершенно на других основах. От прежней независимости отдельных владельцев не остается и следа. Вместо того водворяется власть одного центрального правительства, подчиняющего себе всю страну. Сначала эта центральная власть дает стране отдохнуть, а потом в свою очередь подчиняет ее своему не менее тяжелому гнету.

Вся полнота правительственной власти и теперь, как во времена реформ «таиква», считается принадлежащей микадо. Микадо — единый неограниченный монарх. Он сохраняет свое божественное происхождение и обладает божественной абсолютной властью над всеми подданными. Но он слишком высок, чтобы непосредственно пользоваться своею властью для управления людскими делами. Поэтому он поручает это управление, т. е. доверяет свою власть, своему уполномоченному — шогуно.

Этот хитрый силлогизм был изобретен, конечно, шогунами, чтобы узурпировать всю власть микадо, оставаясь под охраною их божественного происхождения. Естественным следствием этого рассуждения было то, что за микадо сохранился только декорум власти, вся же ее сущность перешла к шогуно. Шогуны из рода Токугава прекрасно понимали все выгоды своего положения и старались всячески укрепить его, обставляя всякой пышностью и всяким почетом микадо, и в то же время лишая его всякой возможности иметь непосредственные сношения со страной. Микадо жил в Киото, окруженный блестящим двором, чины которого (куге) считались выше всех остальных правительственных чиновников и даимиосов и даже выше самого шогуна, но в то же время не имели никакой реальной власти ни над чем. Киото был высокой и заповедной страной. Ни один даймиос, не говоря уже о других, не мог показываться туда, под страхом большого наказания. Особа микадо была слишком высока, и своим приближением простой смертный мог оскорбить ее. В действительности, причиной этого запрещения служит, конечно, боязнь, чтобы даймиосы не вошли в сношения с микадо и не начали интриговать против шогуна.

В этом дуализме власти, олицетворявшейся в микадо, а осуществлявшейся шогуном, заключается главное отличие японского абсолютизма, водворившегося в начале XVII века, от европейского. В сущности, этот дуализм имел очень мало значения, и о нем вспомнили, как мы увидим, только тогда, когда пошатнулось положение самого абсолютизма. В первые два века его существования такой

двухсторонний характер происхождения власти не сказывался ни в чем. На деле власть была единая и сосредоточивалась она в руках шогуна. Микадо был только как бы его верховной санкцией. Все же подданные и вся страна имели дело только с шогуном.

Сфера непосредственного влияния микадо ограничивалась Киото, который был выделен и представлял совершенно особый придворный город. Но и то некоторые должности в нем замещались шогуном» Остальная страна вся находилась в управлении шогуна. При этом характер управления несколько отличался в двух частях страны, — в тех областях, которые составляли раньше владения рода Токугава, и теперь превратились в нечто вроде государственных земель, — и в бывших владениях независимых даймиосов. Личные вассалы шогуна, считавшиеся прежде самураями, теперь были переименованы в фудай-даймиосов и сравнены вообще в правах с остальными даймиосами. Центральное правительство (говоря о правительстве, мы будем теперь подразумевать исключительно правительство шогуна) состояло из самого шогуна и некоторого рода совета министров «горору», состоявшего из 5 членов и помогавшего ему в делах общего управления страной. Все центральное управление шогуна в целом называлось «бакуфу».

При верховном совете было еще особое отделение из шести членов, которые имели назначение надзирать за выполнением всех вообще предписаний центральной власти, за действиями чиновников и, главным образом, за поведением даймиосов. Агенты этого центрального жандармского учреждения были распространены по всей стране, они старались проникать всюду, даже в семьи, надзирать за всем, даже за образом мыслей даймиосов, бывших в начале особенно опасными для правительства, и обо всем доносить шогуну.

Эта система шпионства, чрезвычайно тщательно разработанная первыми шогунами, составляла одну из главных опор их власти. Посредством своих шпионов они могли узнавать о всяком зародыше недовольствия и прекращать его раньше, чем оно могло развиваться. Этой остроумной системе они считали себя обязанными за то, что со времени водворения их рода, всякие смуты в стране исчезли, и порядок ни разу серьезно не нарушался. Но, конечно, система эта могла поддерживать и действительно поддерживала порядок только до тех пор, пока весь связанный с ней государственный строй соответствовал реальным потребностям страны, а как только в стране развились новые силы и новые потребности, не вмещавшиеся в данном государственном строе, так эта система самозащиты оказалась совершенно неспособной охранить его.

Второй опорой власти шогунов должна была служить централизованная бюрократия, в руках которой сосредоточилось постепенно все управление страны. На следующей ступени после государственного совета, имевшего функции общегосударственные и, кроме того, представлявшего высшую судебную власть,

стояли несколько министерских коллегий или бугиос. Первоначально их было три, впоследствии их число увеличилось. Главные из них были — коллегия финансов, коллегия внутренних дел или полиции, коллегия городского управления и коллегия церковных дел. Позднее к ним присоединилась еще коллегия иностранных сношений. В ведении этих центральных учреждений сосредоточивалась в последнем итоге вся администрация страны, как той ее части, которая составляла бывшее феодальное владение рода Токугава, так и остальной. Местное управление в той и другой частях имело значительные пункты различия. Область, составлявшая, так сказать, государственную собственность и обнимавшая к тому времени около половины страны, была разделена на провинции, каждая из которых управлялась наместником. Власть его была несколько шире власти нашего губернатора, так как она носила не только административный, но и судебный характер. Около наместника стоял совет по делам местного управления. Провинции были разделены на более мелкие участки, во главе управления которых стоял чиновник, называвшийся «даикван», по типу ближе всего стоящий к нашему земскому начальнику. Он совмещал в себе и административные, и судебные, и даже некоторые хозяйственные функции. На нем лежал сбор податей, и он даже имел некоторое влияние на установление их, так как он же представлял необходимые для того данные центральной власти; он назначал низших сельских властей, он разбирал судебные дела, одним словом, по тогдашней японской поговорке «счастье и несчастье уезда зависит от даиквана». Все правительственные чиновники, начиная от членов верховного совета и кончая даикваном, назначались исключительно из вассалов шогуна, высшие из фудай-даймиосов, низшие из простых самураев.

Во главе каждого отдельного селения стоял назначенный даикваном и подчиненный ему старшина — нануши или шойя. Он следил за порядком, взимал подати, вел регистры населения и судил за небольшие проступки. Помощниками его были низшие сельские власти, избираемые населением, вроде наших старост.

Каждое селение распадалось на несколько групп, не менее пяти семейств в каждой. Группы эти, куми или гуми, представляли нечто вроде артелей, все члены которых обязаны были поддерживать и помогать друг другу во всех трудных случаях жизни, обрабатывать землю в случае болезни, сообща помогать на постройках и т. п. Эти гуми очень напоминают общины, организованные во время реформ таиква, с тою только разницею, что там и земля была в общинном пользовании, теперь же всякий домохозяин был собственником своего участка. Все домохозяева одной гуми избирали сообща одного представителя, который участвовал в общем сходе всего селения. Вообще известными правами пользовались только отцы семейств. Семья по-прежнему составляла одну хозяйственную единицу, и сыновья, даже взрослые, не выделялись до смерти

отца. По смерти же его весь его участок должен был по закону переходить к старшему сыну, младшие же сыновья должны были оставаться при нем. Но жизнь, конечно, не допускала такого стеснения прав личности, и законы против семейных разделов с увеличением населения стали постоянно нарушаться. Во всяком случае, быть членами куми и участвовать в сельском управлении могли только самостоятельные домохозяева. Сход, состоявший из выборных куми и собиравшийся под председательством нануши, решал все сельские дела, распределял натуральные повинности, налагаемые даикваном и т. п.

В состав членов сельской общины входил и местный крупный землевладелец из бывших самураев шогуна или вассалов отдельных даймиосов. На землях шогуна он был иногда подчинен даиквану, а иногда непосредственно наместнику, но ни в каком случае не старшине. Эти бывшие мелкие вассалы, оставшиеся на земле и не превратившиеся в воинов, составили класс наиболее крупных землевладельцев Японии. При перевороте 1868 г. они не лишились своих прав на землю, как даймиосы, и потомки их до сих пор остаются более или менее крупными помещиками.

Положение сельского населения на государственных землях было в общем несколько лучше, чем на землях даймиосов. Подати взимались и тут громадные, не менее 50% сбора, но шогуны все-таки обращали внимание на то, чтобы не разорить окончательно земледельческое население, которое доставляло наибольший доход государству. Так, в XVIII в. по всей стране были устроены запасные магазины, из которых в случае неурожая населению продавался по умеренным ценам рис. Рядом с этим стали издаваться законы, требующие того же и от даймиосов.

На землях, принадлежавших даймиосам, управление сельского населения было устроено так же, как и во владениях шогуна. Отдельные селения распадалась на такие же группы — гумми, и во главе их тоже был старшина, сход и старосты. Только вместо правительственных чиновников во главе местного управления стояли чиновники, назначенные даймиосом. И подати, еще более высокие тут, уплачивались не шогуну и его чиновникам, а по-прежнему даймиосу. В более крупных «ханах», — как назывались их владения в отличие от провинций «кенов», — даймиосы являлись в роли наместников, в более мелких они как бы заменяли даиквана с тою только разницей, что они были подчинены непосредственно шогуну и от провинциальных наместников ни в каком случае не зависели.

Внутри своих ханов они сохранили почти все свои прежние права, делавшие их гнет таким тяжелым для населения, но вместе с тем они приобрели некоторые новые обязанности, превратившие их постепенно в послушные орудия центральной власти. Прежде всего на них были возложены некоторые обязательные налоги. Ради сохранения за ними внешнего вида независимости,

эти налоги назывались «подарками». Но подарки эти были обязательны, состояли частью из сырых продуктов, частью из денег и делались ежегодно в определенные сроки шогуну. Затем ежегодно даймиосы обязаны были являться в Иедо лично, чтобы докладывать шогуну о положении дел в их владениях. Со временем вошло в обычай, а потом было укреплено законом, чтобы каждый даймиос имел в Иедо собственный дом и проводил в нем один год из двух. Семьи же их оставались в Иедо на постоянное жительство, составляя как бы живой залог в руках шогуну. В случае неповиновения какого-нибудь даймиоса, шогун мог захватить его семью. Наконец, право суда над даймиосами было очень расширено и окончательно подчинило их шогуну. Теперь шогун разбирал не только ссоры между даймиосами, но и всякий проступок каждого отдельного даймиоса. При этом он мог налагать на него следующие наказания: 1) выполнение каких-нибудь исключительных работ, дорогостоящих построек и т. п., 2) передача своего владения наследнику, 3) перевод на другой, менее доходный участок, 4) полное отнятие участка и, наконец, 5) смертная казнь посредством харакири и уничтожение самого рода провинившегося даймиоса...

Таким образом, шогун присвоил себе право переводить даймиосов из одного феода в другой и даже совсем лишать их владения землей. Положим, вначале это рассматривалось как мера наказания в случае важных преступлений. Но шогуны очень скоро стали пользоваться этим в политических целях, ссылая казавшихся им опасными даймиосов в отдаленные участки или совсем лишая их власти. Это право суда было страшным оружием в руках шогуну.

Последним шагом в смысле подчинения даймиоса шогунам было требование утверждения в правах наследства каждого нового владельца феода. Сначала это было введено просто как формальность, как требование этикета. Новый владелец должен был в знак почтения представляться шогуну и при этом получал от него бумагу, удостоверяющую его права. Но постепенно этот обычай приобрел совершенно реальное содержание, шогун присвоил себе право решать по существу вопрос об утверждении или нет нового владельца, следовательно, он мог по произволу не утвердить в правах владения неудобного ему наследника.

Рядом с этим даймиосы были обставлены множеством других стеснительных требований. Так, они должны были получать от шогуна разрешение на брак, на усыновление, на продажу части своей земли и т. п. В конце концов, по словам Токузы Фукуды, «несмотря на сохранение рыцарской внешности и рыцарских приемов, даймиосы превратились из независимой аристократии, боровшейся с центральным правительством, в блестящую и ничтожную придворную знать, вращающуюся вокруг одного солнца» (Tokuzo Fukuda, стр. 133). По большей части они даже не управляли лично своими владениями, а поручали это особым управляющим.

Наряду с этими новыми обязанностями, ставившими прежнего феодала,

в сущности, в положение такого же правительственного чиновника, как и наместник, даймиосы сохранили одну чрезвычайно важную привилегию — привилегию иметь собственное войско, и самим приводить его по требованию шогунa. Но привилегия эта, которой даймиосы по традиции очень дорожили и которая впоследствии действительно сослужила им большую службу, оказывалась при данных условиях тяжелым бременем. Военные столкновения после водворения в Иедo рода Токугава прекратились совсем, а между тем содержание многочисленных самураев стоило очень дорого. Из своих неувеличивающихся доходов даймиосы должны были и платить государственные подати под видом приношений шoгуну, и содержать свой значительный штат. Выделять теперь участки своим самураям, совершенно оторвавшимся от земли за долгий период непрерывных войн, было не из чего и им приходилось платить постоянное жалованье, обыкновенно рисом. Одним словом, положение феодальной аристократии во всех отношениях становилось все более и более трудным.

Состояние общества в XVII в.

Даймиосы, фудай-даймиосы и самураи, — были ли они на государственной службе или нет, — считались принадлежащими к высшему, благородному сословию, сословию, имеющему право носить меч.

Все вообще население по новым законам разделялось на четыре сословия: 1) благородные, носящие меч, 2) земледельцы, 3) ремесленники и 4) купцы. Вне этих сословий стояли люди, занимающиеся профессиями, считавшимися неблагородными (актеры, танцовщицы) или нечистыми (живодеры, скорняки). Внутри эти сословия подразделялись еще на многочисленный группы. Различные подразделения благородного сословия, имевшие особые наименования, положительно неисчислимы. Сословия эти не носили такого безусловно замкнутого характера, как индийские касты, например; переход из одного в другое был возможен, хотя совершался, главным образом, посредством усыновления. Но общим правилом во всяком случае была наследственность всех сословий и всех родов занятий.

Купцы и ремесленники стояли совершенно особняком от первых двух сословий. Они жили в городах и имели свою особую организацию и администрацию. Для управления городами существовало даже специальное высшее правительственное учреждение. Ему были подведомственны сначала только 16 городов, находившихся на землях шoгуна. В каждом из этих городов был особый наместник по назначению шoгуна и при нем совет из городских старшин. Внутри города были разделены на группы, сходные по характеру с сельскими куми. Но здесь эти куми не имели такого важного значения, как

в деревнях, а с течением времени, когда образовалась очень значительная разница между состояниями городских жителей, эти организации мало-помалу совершенно исчезли, между тем как в деревнях они сохранялись в полной силе до самого переворота. Города, основанные на землях даймиосов, управлялись или непосредственно ими, или их уполномоченными, но внутренняя организация их была та же, что и в остальных городах.

Жители городов к этому времени уже все занимались или ремеслами, или торговлей. И те и другие были организованы в гильдии, хотя прежнее драконовское законодательство, охранявшее гильдии, было отменено. Впрочем, и при отсутствии законов, каравших смертной казнью за занятие ремеслом вне гильдии, фактически это оставалось невозможным. Одиночка ремесленник не в состоянии был бы конкурировать с гильдиями, пользовавшимися значительными привилегиями. Регламенты гильдий были очень детально разработаны, и права и обязанности каждого члена определены самым тщательным образом. Членами гильдий могли быть только домохозяева, т. е. отцы семейств или отделенные сыновья. Семья и здесь, как и в земледельческом сословии, считалась нерасторжимой единицей, и отдельные члены ее всегда занимались сообща одной и той же работой. Продолжать занятие отца считалось обязательным для сыновей, причем по смерти отца старший сын, если он мог представить доказательства своего искусства, обыкновенно принимался в члены гильдии.

Купеческие гильдии были тоже обставлены самой детальной регламентацией. Словом, вся жизнь горожан, не только их права и обязанности в отношении к власти, но и их хозяйственные отношения, были раз навсегда заключены в определенные рамки и закреплены законом.

Это стремление создать твердые незыблемые устои для жизни всего народа пронизало собой всю деятельность первых шогунов из рода Токугава. Начав с объединения страны путем оружия, Иеязу, а потом и его преемники, особенно его внук Иемитсу, стремились всеми силами упрочить это объединение и навсегда обеспечить мир Японии. Для этого недостаточно было создать пригодные органы управления — централизованную и проникнутую полицейским духом бюрократию, — надо было жизнь самого общества влить в твердо установленные формы и возможно прочнее закрепить ее в них. Они понимали, или, быть может, инстинктивно чувствовали, что только тогда все здание получит устойчивый фундамент и примет законченный вид. Во всяком случае они с редким упорством проводили эту мысль на практике. Они твердо установили деление общества на сословия и поддерживали их обособленность. Лишив высшее сословие реальной власти, они в то же время всячески поддерживали его внешний престиж, увеличивали строгость этикета, особенно в отношениях низших сословий к высшему. Этикет этот доведен был до мельчайших деталей поведения и обнимал собою всю жизнь высшего сословия. Прежние рыцарские обычаи не только не

были упразднены теперь, когда исчезла их внутренняя сущность, но, напротив, были еще более разработаны и закреплены. Отчасти в этом сказывалась, быть может, сила традиции, благодаря которой бытовые формы часто переживают сущность социальных отношений, отчасти же — дальновидная мысль законодателя, желавшего закрепить данные формы общественных отношений, закрепит самое общество.

Подавляющая масса сложных требований этикета, поражающих в Японии и теперь, ведет свое начало с той эпохи. Тысячи поклонов, условных жестов, трафаретных улыбок должны были сопровождать всякую встречу между людьми, особенно встречу низшего с высшим. Это постоянно напоминало о разнице происхождения и подчеркивало сословную обособленность. К этому же вели и «законы о роскоши», запрещавшие низшим классам окружать себя такою же роскошью, как представители благородного сословия.

Установленные законом торговый и ремесленные гильдии, строго соблюдаемая наследственность всех видов занятий и, наконец, почти полная нерасторжимость семейных уз — все это проводило еще далее принцип обособления разных групп населения и неизменяемости социальных отношений. Всякому человеку указано было раз навсегда его место в обществе, ему нечего было опасаться потерять его, но нечего и надеяться изменить. Жизнь влита была в строго определенное русло, а администрация и полиция следили за тем, чтобы она где-нибудь не начала подмывать плотины.

Все это не было, конечно, достигнуто сразу, по щучьему велению, вся первая половина XVII века была заполнена этим стремлением со стороны правительства закрепит общество, чтобы таким образом убить в зародыше самую возможность волнений, беспорядков и тем более вооруженных столкновений внутри страны. Но во всяком случае направление, в котором должна была развиваться деятельность правительства, было дано еще Иеязу.

Сами формы административного механизма Иеязу, — также как и законодатели реформ таиква, — заимствовал в значительной степени из Китая. Но тогда как в ту эпоху мысль законодателя шла вразрез с социальными тенденциями того момента, в данное время она, наоборот, вполне отвечала назревшим потребностям в спокойствии и развитии мирной культуры. Поэтому реформа таиква потерпела крушение, а реформы Иеязу создали строй, просуществовавший 21/2 в.

Заимствовав из Китая структуру административного механизма, Иеязу оттуда же привлек и высшую санкцию проектированного им незыблемого строя. Этой санкцией должен был служить конфуцианизм. Трудно найти морально-философскую теорию, которая более соответствовала бы идеалу устойчивого и неподвижного социально-политического строя. Душа конфуцианства — консерватизм. Вся его мораль зиждется на послушании и верности: верности

установленным отношениям и послушании младших и по возрасту, и по социальному положению — старшим. Понятие греха сливается с понятием проступка или преступления.

Это смешение понятий целиком отразилось на законодательстве Иеязу и на оставленном им в наизидание потомкам «Завещании». Недостаток добродетели часто карается там уголовным порядком, а нарушение закона рассматривается, как грех. Такой взгляд, конечно, очень способствовал упрочению установленного строя, также как и покорность, положенная в основу нравственности.

Полное соответствие конфуцианства новому порядку, водворившемуся в Японии с начала XVII века, породило даже мнение, что самый этот порядок возник именно благодаря ему. Но с этим мнением трудно согласиться уже по одному тому, что учение Конфуция было известно в Японии со времени первых сношений ее с Китаем, и тем не менее в течение целого тысячелетия оно оставалось только в области морали, не оказывая влияния на политику. Несомненно только то, что Иеязу действительно оказывал активное покровительство китайской литературе вообще и конфуцианской философии в частности. Китайский язык стал обязательным в школах, занятия китайской литературой всячески поощрялись. С этого времени китайские влияния окончательно торжествуют в японской школе и в японской науке до тех пор, пока против них не поднимается сознательная идейная борьба.

Иеязу и его первые преемники могли с полным правом считать, что цель их достигнута. Япония представляла теперь единое государство, в котором вместо прежних раздоров водворился мир и порядок. Страна отдыхала. И благие результаты этого не замедлили сказаться. Культура быстро двинулась вперед. Заброшенные поля снова начали возделываться, города отстраивались, торговля и промышленность, избавленные от вечных опасений, широко развивались.

Духовная жизнь тоже испытала на себе влияние более благоприятных условий. В городах стали основываться школы, частные и правительственные, главным образом, для самураев, и даже библиотеки. Типографское искусство, известное в Японии еще ранее из Китая, только теперь получило широкое применение, благодаря устроенной Иеязу казенной типографии. Китайские классики были переведены на японский язык и изданы по приказанию Иеязу. Покровительствуя науке вообще, он первый обратил внимание на японские древности, — приказывал разыскивать и сохранять древние летописи и другие документы, имеющие историческую ценность, и даже основал специальное учреждение, занимавшееся переписыванием старинных рукописей и архивов отдельных даймиосов. Благодаря этому стало возможно серьезное изучение истории. В двадцатых годах XVII века по почину даймиоса области Мито группа японских ученых приступила к составлению первой подробной японской истории, написанной по-китайски и законченной только к концу XVII века. Исследование

это составило 243 тома.

В 1625 году появилось и другое известное историческое сочинение, называвшееся «Таико» и описывавшее время господства Хидейоши. Оно состояло из 11 томов и было написано на японском языке. Рядом с историческими сочинениями стали появляться и самостоятельные ученые труды по другим областям. При этом другие отрасли науки находились в это время под еще более сильным влиянием Китая, чем история. Медицинские сочинения так же, как и философские трактаты, носили на себе явный отпечаток китайщины и конфуцианства. Но тем не менее на почве этого чужеземного влияния вырастали и собственные теории, некоторые японские ученые того времени пользовались широкой известностью в своей стране и основали даже собственные школы.

Разные виды искусства и изящная литература тоже достигли в эту эпоху высшего процветания. Живопись, развивавшаяся в первые века после распространения буддизма, главным образом, около буддийских монастырей и носившая по преимуществу религиозный характер, пережила в конце XV и в XVI веке эпоху секуляризации и приняла более близкий к жизни характер. В XVII веке появляется целая плеяда японских художников, среди которых есть имена, не потерявшие и до сих пор значения для живописи не только в Японии, но и в Европе. Рядом с этим в этот же период достигают высшего совершенства и знаменитые японские изящные ремесла: выжигание по дереву, лакировка, рисование по фарфору и т. п.

Для художественной литературы XVII век тоже не прошел бесследно. Но тогда как наука в эту эпоху испытала сильное влияние китаизма и вследствие этого осталась совершенно недоступной для широких кругов населения, литература, наоборот, сильно популяризовалась. Благодаря большей безопасности жизни и относительно большему благосостоянию, наступившему вслед за водворением Токугава, потребность в чтении, в книге страшно возросла и распространилась. В предыдущие века роскошь книги могли позволить себе только могущественные феодалы или придворные, обеспеченные и более или менее огражденные от опасностей в своих замках, и еще монахи в буддийских монастырях. Вследствие этого и литература носила или духовный, или утонченно-светский характер. Произведения рыцарской эпохи, не особенно многочисленные по количеству, достигали иногда высокой степени совершенства по форме. Теперь рядом с феодальной аристократией явился другой читатель, несравненно менее утонченный во вкусах, но зато гораздо более многочисленный — горожанин. И в ответ на это широкой волной хлынула новая литература, более грубая, но отвечающая многообразным запросам нового читателя, его настоятельной потребности в духовной пище. К этому времени относится возникновение многих новых видов литературы: популярных драм, исторических романов, рассказов из народной жизни, комических песенок и легких юмористических сценок, вроде

водевилей.

Разложение абсолютизма. Экономические затруднения

В течение XVII века и материальная и духовная культура Японии сразу сделали большие успехи. После долгого периода бесплодных войн и умственного застоя во всех отраслях жизни шла усиленная работа. И всем этим страна была обязана относительному порядку и благоустройству, водворившемуся в ней вместе с династией Токугав. Для данного времени централизованная монархия, заступившая место феодальной анархии, была выгодна для страны. Но была одна черта в новом строе, благодаря которой значение его для страны со временем стало меняться, и меняться настолько, что положительные его стороны превратились в отрицательные, и вместо несомненной пользы он стал приносить явный вред. Черта эта — его косность, именно то, что в глазах его основателей придавало ему главную цену.

Когда строй этот только созидался, он отвечал потребностям страны, он дал возможность развиваться ее естественным силам. Но когда эти силы развились до некоторого предела, они в нем же встретили препятствие, мешавшее их дальнейшему росту.

Прежде всего это явление сказалось в экономической области. Формы экономических отношений, закрепленные данным строем, сначала вполне удовлетворяли существовавшим потребностям, но потом, с развитием самих потребностей, те же самые формы оказались стеснительными. А между тем, как и все в этом строе, они отличались совершенной косностью, нерастяжимостью. Все те успехи, которые могут быть сделаны в рамках натурального хозяйства, были уже достигнуты, а естественный переход к денежному хозяйству не мог совершиться на почве данного строя. Получился заколдованный круг, из которого страна не могла выбиться, не разбив связывавших ее пут.

Земледельческое население, оправившееся и отдохнувшее после водворения мира, стало быстро расти. Между тем, из той же земли, при тех же приемах хозяйства нельзя было извлечь больше. В то же время даймиосы, обремененные всевозможными обязательными расходами, старались всячески увеличить обложение, так что местами оно доходило до невероятной высоты. Были местности, где земледелец должен был выплачивать владельцу 80% сбора. Приходилось забирать под обработку неудобные земли, а на них труд земледельца иногда пропадал почти даром. Происходили неурожаи, еще больше подрывавшие народное хозяйство. Между тем, улучшить технику, завести более выгодные культуры, например, чайные или шелковичные плантации, и тем увеличить производительность той же земли, было невозможно. Не только

у земледельческого населения, по даже у самих даймиосов, для которых это тоже было бы выгодно, не хватало на это денег. Следствием этого было почти повсеместное разорение сельского населения и в зависимости от этого обеднение всей страны.

В области обрабатывающей промышленности шел подобный же процесс. Ремесленная форма производства достигла полного расцвета и уже дальше не могла удовлетворять назревшим потребностям. Окаменевшие формы гильдий, охраняемых всевозможными исключительными законами, не давали никакого простора частной инициативе, мешали введению технических усовершенствований, расширению производства. Гильдии, достигшие высшего расцвета к концу XVIII века, начали клониться к упадку. Они не могли конкурировать с проникавшими в страну, несмотря на все запрещения, европейскими и американскими товарами, они не могли удешевить своего производства. В то же время даймиосы и правительственные чиновники старались тянуть с них возможно больше, а разоренное население представляло собой плохого покупателя. На эти затруднения гильдии могли отвечать только одним — требованием и от даймиосов, и от правительства все больших привилегий, все большей защиты своего монопольного характера. Весь восемнадцатый век наполнен настойчивыми петициями гильдий, просивших разных льгот, — главным образом, запрещения частным лицам заниматься теми же производствами и наивозможно более высоких пошлин на ввозимые из Китая и Кореи товары. Этим они могли, по крайней мере, охранить себя от конкуренции, и, если не понизить стоимости производства, то, по крайней мере, держать в своих руках цены на товары и произвольно повышать их. Правительство и даймиосы, в значительной степени зависавшие от них, — так как налоги с них служили главным источником доходов, — не имели возможности отказывать им. Издавались законы, строго каравшие за занятие разными ремеслами лиц, не принадлежавших к гильдиям, а на иностранные товары налагались почти запретительные пошлины. Ввозившиеся из Китая шелковый ткани, например, облагались такими таможенными пошлинами, что они должны были продаваться на 200—300% дороже своей нормальной цены. Конечно, они так же, как другие предметы роскоши, могли покупаться только исключительно богатыми людьми и то в редких случаях и не могли составить конкуренции гильдиям. Предметы же общего потребления почти совершенно не могли ввозиться из Китая в это время. Торговля европейскими товарами, происходившая через посредство голландцев в Дешиме, была поставлена в еще более стеснительные условия. Вся она находилась в руках одной Нагасакской гильдии. Помимо нее никто не мог непосредственно покупать товары у голландских купцов. Нагасакская гильдия скупала их все и потом уже по собственному произволу назначала цены.

Таким образом, гильдейское законодательство, вместо того, чтобы, уступая

требованиям времени, ослабевать, крепло еще более. А от этого страдало и население, так как цены на все товары страшно росли, и вся страна, так как ее производительные силы не имели выхода — свободные руки не находили работы, и естественные богатства не эксплуатировались. Словом, страна опять остановилась в своем развитии: она не только не богатела, но даже стала беднеть.

И отдельные даймиосы, и правительство испытывали постоянный недостаток денег, но в своих поисках за ними только еще ухудшали и без того трудное экономическое положение. С одной стороны, чтобы пользоваться доходами с гильдий, они увеличивали их привилегии и тем убивали возможность дальнейшего промышленного развития страны. С другой — когда доходов все-таки оказывалось недостаточно, они пробовали непосредственно увеличить количество денег.

Уже с половины XVIII века шогуны, испытывая постоянные финансовые затруднения, начинают прибегать к таким же финансовым опытам, какие проделывались около этого времени и в Европе. Они начинают произвольно выпускать значительные количества бумажных денег и таким путем увеличивать количество денежных знаков, не обеспеченных имеющимся у государства золотом. Впрочем, в то же самое время среди японских ученых возникает экономическая школа, сильно восстающая против этого. Самый видный из этих ученых, известный японский экономист XVIII века Араи-Куми, в своих трудах по экономическим и финансовым вопросам упорно доказывал, что денежные знаки не представляют собой богатства, и что в конце концов обилие их приведет к обесценению их, к еще большему уменьшению полноценных денег и к еще большим экономическим неурядицам. По его выражению, «худые деньги прогоняют хорошие». Действительность вполне оправдала его предсказания. Бумажные деньги быстро наводнили страну, на юге, например, одно время обращались почти исключительно бумажки, потом они стали страшно падать, вызывая громадные экономические затруднения, так что в конце концов пришлось отменить законом эту неудачную финансовую меру. Араи-Куми был призван управлять финансовым ведомством, и на время снова было восстановлено правильное денежное обращение. Но потом новые финансовые затруднения заставили забыть первый урок и снова стали повторяться попытки поправить финансовые дела, наделав побольше денежных знаков. Хуже всего то, что подобные опыты производились не только центральным правительством, но даже отдельными наиболее крупными даймиосами, сохранившими от прежних времен право чеканки монеты. Это, конечно, еще больше увеличивало экономическую неурядицу; так, в разных местах стали обращаться разные деньги, имевшие разную ценность. Правительство видело это зло, но не в силах было помешать ему.

Вообще по мере осложнения экономического положения страны и ухудшения

государственных финансов положение правительства стало постепенно расшатываться. Явилось слишком много недовольных элементов, с которыми ему трудно было справиться. Действительно, почти все слои общества имели теперь причины для неудовольствия. Самую реальную причину имело, конечно, сельское население, несшее на себе страшный экономический гнет. Земли у него было мало, на его шее сидели непроизводительные классы — даймиосы и самураи, с него же тянуло и государство. Кроме того, в конце XVIII и в начале XIX века Японию посетил целый ряд неурожаев, а с 1833 года они стали почти хроническими. Сельское население отвечало на это глухим ропотом и частичными возмущениями. В начале XIX века в разных концах империи начали вспыхивать крестьянские бунты. Но, конечно, это были чисто стихийные вспышки, не направленные ни к какой сознательной общей цели, и поэтому затушить их враздробь не представляло особенной трудности. И крупные даймиосы, если это происходило на их землях, и правительство без труда умирляли взбунтовавшуюся рабочую силу, и пулями внушали ей уважение к законному порядку.

Несколько труднее было справиться с горожанами. Они были и сознательнее, и богаче земледельцев и потому представляли элемент, с которым надо было обращаться более осторожно и бережно. Мы уже видели, что торговое и промышленное население городов, организованное в гильдии, часто вступало даже в торг с правительством и урывало у него значительные льготы. Правительство волей-неволей шло на такие сделки, — невыгодные, конечно, для страны, — так как оно чувствовало свою зависимость от разбогатевших горожан. Этим путем, оно, с одной стороны, пользовалось доходами с гильдий, а с другой — обеспечивало себе их молчаливую поддержку.

Но рядом с гильдиями в городах начинал возникать еще слой населения, не находивший в данном обществе никакого приложения для своих сил. Слой этот образовался из различных элементов, оказавшихся, так сказать, за штатом, благодаря чересчур уже неподвижным, негибким формам социальных отношений. Прежде всего тут были младшие сыновья ремесленников и торговцев, не получивших доступа в гильдии и промышлявших самыми разнообразными способами, в качестве мелких торговцев, разносчиков или фокусников, актеров и т. п. Постепенно и из деревни стали выделяться люди, присоединявшиеся к ним же. Земля уже не в силах была прокормить всего живущего на ней населения, и часть его, по большей части тоже младшие сыновья, не получавшие доли в отцовском наследии, уходила искать заработка на сторону. Пробавлялись они какой-нибудь тяжелой ручной работой, постоянного заработка в большинстве случаев не имели и представляли, вместе с первыми, низший слой городского населения, тоже недовольный своим положением, но тоже малосознательный и ничем не объединенный и поэтому более опасный для общественной тишины и спокойствия, чем для государственного порядка. В случае возникавших

волнений, которые с начала XIX века опять стали вспыхивать то тут, то там, они представляли готовый элемент для беспорядков, но сам по себе этот городской пролетариат не составлял в то время силы.

Отношение высшего сословия к правительству

Несравненно более сильно и более сознательно в массе было в ту эпоху высшее сословие. Но оно тоже очень дифференцировалось к этому времени. Чтобы яснее представить себе ход дальнейших событий, нам придется несколько подробнее остановиться на отношении к правительству различных групп, на которые оно распалось.

Высший слой привилегированного сословия состоял из бывших независимых феодалов-даймиосов, оставшихся и при новом строе во главе своих владений, и из бывших личных вассалов шогуна — фудай-даймиосов.

Все первое время правления шогунов из рода Токугавы было, как мы видели, наполнено борьбой с независимыми даймиосами сначала с помощью оружия, потом путем законодательства. К концу XVII века сопротивление даймиосов было сломлено. Из «первого — между равными», каким был вначале шогун, он превратился в полновластного монарха, обращавшегося с даймиосами, как со своими подданными. Его бесчисленные шпионы, рассеянные по всей стране, следили за малейшими проявлениями недовольства и доносили ему обо всем, и страшное наказание — перемена дедовского владения на какой-нибудь отдаленный участок или даже смертная казнь и уничтожение самой фамилии провинившегося — не заставляло себя ждать. И власть, и сила были в руках шогуна, и он широко пользовался ими. А даймиосы смирялись. Смирялись, но, конечно, не забывали ни своей прежней силы, ни своего прежнего значения. Шогун в их глазах олицетворял собою падение их прежнего могущества, и, подчиняясь ему поневоле, они ненавидели его. Он в их глазах был узурпатором, силою отнявшим власть, принадлежавшую прежде им, и еще притом отнявшим ее даже не на законном основании. Шогун ведь не был государь, он был только первый министр, а между тем он пользовался всеми правами верховной власти. Быть может, микадо, если бы он держал в своих руках управление страной, не довел бы до такой степени подчинение знати.

Испытывая на себе постоянный тяжелый гнет, исходивший непосредственно от шогуна, даймиосы забывали, что шогун опасен для них именно как представитель центральной власти, и что если бы правительственная власть не передоверялась шогуну, а находилась непосредственно в руках микадо, положение от этого нисколько не изменилось бы. Разница была бы только в том, что тогда правитель, борющийся с ними, назывался бы микадо, а теперь он

назывался шогуна. Но во всяком случае так, как исторически создалось положение, носителем центральной власти был шогуна, а микадо стоял где-то в стороне, как какая-то неведомая, быть может, и благодетельная сила.

Пока центральное правительство в лице шогуна было сильно, до тех пор эти мысли, если они и бродили в чьих-нибудь головах, на деле не проявлялись. Но когда финансовое положение правительства пошатнулось, когда его реальная сила, опиравшаяся на благосостояние страны, стала убывать, — а вместе с тем, как всегда это бывает, и сами носители власти стали мельчать и вырождаться, теряя личный авторитет, — тогда эта затаенная ненависть начала выбиваться наружу и стало оживать заглушенное стремление к независимости. Последние ничтожные шогуны уже не осмеливались, как прежде, круто расправляться с даймиосами, опасаясь, что в случае открытого возмущения они не в состоянии будут тотчас же подавить его. Даймиосы чувствовали это и пользовались. Начинался обратный процесс. Они снова прочнее оседали в своих владениях, бесконтрольнее пользовались властью над населением, заводили под рукой запрещенные сношения с иностранными купцами, начавшими опять появляться у берегов Японии, и втайне мечтали свергнуть ненавистное иго шогуна и опять стать независимыми. Но, конечно, они понимали, что страна не может распасться на ряд совершенно обособленных владений, беззащитных в виду сильных соседей. Какое-нибудь единство было необходимо. Оно в их глазах олицетворялось в образе далекого от мира микадо, который всех объединит, но никого не подавит. Поэтому, укрепляясь в своих владениях, даймиосы в то же время пробуют тайно заводить сношения с забытым двором в Киою. Уже с конца XVIII века начинаются, несмотря на строгие запрещения шогуна, попытки наиболее крупных даймиосов войти в непосредственное общение с микадо. Шогуна всеми силами борется против этого, повторяет запрещения осквернять священную землю Киото, где может, налагает наказания, но ничто не помогает. Между даймиосами и Киото ездят гонцы, а порой и сами более решительные даймиосы отваживаются вступать на священную землю, где их присутствие, конечно, никого не оскорбляет.

Микадо, давно отрешившийся от дел и отвыкший от мысли играть какую-нибудь роль за границами своего заколдованного царства, под влиянием новых союзников вспоминает о своей забытой власти, понемногу входит во вкус политики и заодно со своими взбунтовавшимися подданными начинает интриговать против своего полномочного доверенного. Он тоже давно забыл, что этот доверенный правит в сущности его именем и от его лица покоряет центральной власти феодалов. Он, так же как и они, начинает видеть в нем узурпатора, поработившего и его так же, как их.

Недовольство, зародившееся в Киото, — не столько, может быть, у самого микадо, сколько у его придворных, пожелавших на деле проявить то значение,

которое принадлежало им по рангу, — наносит сильный удар шогуну. Он мог бороться с даймиосами, чувствуя за собой опору верховной санкции микадо. Теперь у него подрывают эту опору, и положение его сразу становится более шатким, хотя Киото и не имеет за собой никакой реальной силы. Действительно, получается двусмысленное положение. Шогун — представитель верховной власти в стране, а сам носитель верховной власти, тот, от кого по идее он ее получил, начинает отказывать ему в доверии. Конечно, это вначале ничего не меняет в соотношении сил, так как реальная власть и все ее органы по-прежнему находятся в руках шогуна, но это очень облегчит со временем борьбу с ним.

Органы эти, весь административный механизм был устроен именно с тем расчетом, чтобы при помощи централизованной бюрократии сосредоточить всю власть в руках шогуна.

И первое время своего существования она исполняла свою роль ко благу обеих заинтересованных сторон, т. е. она внесла несравненно больше порядка, благоустройства и законности в жизнь населения и явилась послушным орудием в руках правительства. Но бюрократия — везде бюрократия, ее отрицательные стороны скоро заслонили некоторую долю пользы, принесенную ею вначале. Не связанная никакими интересами с местным населением, она стремилась только выжимать из него все, что возможно, не заботясь нисколько о поднятии его благосостояния. Вместе с тем она все разрасталась, делопроизводство ее все усложнялось, все дальше удаляясь от реальных нужд населения и все больше превращаясь в мертвую канцелярщину с бесконечным бумагомаранием вместо насущного дела. Стоимость ее содержания тоже, конечно, постепенно возрастала и ложилась тяжелым бременем все на то же население. В XVIII в. на жалованье чиновникам уходило более 2/3 всего государственного бюджета Японии.

По мысли Иеязу все правительственные должности должны были замещаться исключительно личными вассалами шогуна, высшие — фудай-даймиосами, низшие — простыми самураями. Сделано это было, конечно, для того, чтобы не передавать правительственные функции в руки непокорных даймиосов и их вассалов и чтобы поручать их людям, привыкшим к личному повиновению глав рода Токугавы. При этом правительственные чиновники назначались и смещались по воле шогуна или соответствующих властей, поставленных им же. Но с течением времени это отличие чиновников от даймиосов, делавшее их послушным орудием в руках правительства, стало понемногу исчезать. Наследственный характер всех вообще занятий стал распространяться и на чиновничьи функции. Высшие должности — наместников в провинциях и даикванов — стали сначала удерживаться пожизненно, а потом и переходить по наследству, т. е., в то время, как шогун старался превратить независимых даймиосов в своих наместников, его собственные чиновники стремились превратиться в самостоятельных сатрапов, доводя до минимума свою

ответственность перед центральным правительством. Их существенное отличие от даймиосов заключалось в том, что они не имели никаких прав на землю управляемого ими населения и не имели собственных земельных владений. К началу XIX в. эти высшие чиновники, подражая и в этом феодалам, местами перестали даже лично исполнять свои функции; они поручали их доверенным, а сами предпочитали спокойно проживать в Иедо или в других крупных городах свои доходы, так что очень многие должности превратились просто в почетные наследственные синекуры. Усердно работали только низшие чиновники. Но дела от этого не ускорялись, так как по всякому ответственному вопросу им приходилось сноситься со своим начальством, а то обыкновенно не торопилось с ответом.

Прекрасную иллюстрацию японской бюрократии этого времени можно найти в книге Головкина «В плену у японцев». В 1811 г., как мы уже упоминали, русский капитан Головнин был захвачен в плен японцами. Чуть не с первого момента японцы убедились, что захват его был в сущности основан на недоразумении, — капитан Головнин не имел никаких враждебных намерений. Оставалось только отпустить его» что они в конце концов и сделали, совершенно добровольно, не причинив ему ни малейшего зла. Но произошло это почти через три года. Все это время было занято бесконечной канцелярской волокитой. Дело его рассматривалось в иерархическом порядке всеми властями, доходило до центрального правительства шогуна и снова возвращалось на место для новой бесконечной переписки. Впрочем, русского капитана эти порядки не особенно удивляли. Он относился к ним с философским спокойствием и, может быть, благодаря этому, он дал в своей книге беспристрастную и почти во всех частностях правильную характеристику тогдашнего государственного строя Японии («Записки В. М. Головкина в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 гг. » СПб, 1851г.).

Такая бюрократия уже не могла быть твердой опорой для центральной власти. Государственный строй, казавшийся таким незыблемым два века назад, заколебался. Снова страна переживала двоякий — и экономический, и политический кризис. Но только положение теперь было несравненно сложнее, чем в конце XVI века. Тогда вся страна нуждалась в одном — в объединении и порядке какой угодно ценой. Цена оказалась дорогая, но цель была достигнута. Теперь жизнь общества очень усложнилась, и потребности различных групп населения нельзя уже было свести к одному знаменателю. Недовольство существующим строем было общее, обуславливалось же оно совершенно различными причинами. Низшие слои населения, вся народная масса нуждалась в раскрепощении, в личной и экономической свободе, а привилегированные группы — и даймиосы, и гильдии — требовали возвращения назад, — еще больших привилегий для еще большей эксплуатации того же самого населения. Но роль феодализма давно уже была сыграна, мечты феодалов заранее были

обречены на гибель, и, помогая расшатывать полицейское правительство, они подготовляли вместе с ним и свою собственную окончательную гибель.

Конечно, далеко не все высшее сословие было проникнуто такими ретроградными взглядами. Среди самураев, самой многочисленной и самой просвещенной части его, господствовало, в общем, совершенно иное настроение. Положение самураев в новых общественных условиях совершенно изменилось. Во время расцвета феодализма самураи составляли все тогдашнее общество — его силу, его цвет. Теперь, с изменением социальных условий, и роль самураев изменилась. Самый смысл их существования исчез, а между тем форма осталась и постепенно наполнилась другим содержанием. Прежде это были воины, всегда носившие два меча, постоянно готовые пустить их в ход и почти постоянно имевшие к тому случай. Теперь, мечи — знак благородного происхождения — у них остались, но законных поводов пускать их в ход уже не было. Два века в стране царил мир. Постоянные военные упражнения, наполнявшие прежде их досуги в промежутках между походами, теперь потеряли свой смысл и постепенно отходили в область прошлого. Заниматься каким-нибудь производительным трудом — промышленностью, торговлей — для них по-прежнему считалось унижительным, да и гильдейская организация и той, и другой не давала им туда доступа. Некоторая, небольшая часть их, как мы уже упоминали выше, прежние вассалы даймиосов, осела на своих участках и превратилась в помещиков. Большинство считалось на службе у даймиосов и у шогуна, составляло их войска и получало от них жалованье рисом. Жалованья этого им обыкновенно не хватало, так как платить много даймиосы не могли, а благородное звание обязывало к известным расходам, и потому самураи были по большей части в таком же долгу у купцов, как и сами даймиосы. Наконец, многие из самураев теряли и эту прицепку к жизни. Даймиосам не было никакой надобности, да не было и возможности увеличивать свои войска, и без того их содержание обременяло их неблестящие финансы. Между тем, естественный прирост населения происходил и в среде самураев, и опять младшие сыновья оказывались за бортом. Они уходили из своих мест и тоже искали себе пропитания. Прежде они шли, главным образом, в буддийские монастыри и делались монахами, теперь они шли в города и делались учителями, врачами, писателями, учеными. Но и жившие по своим провинциям самураи, не имевшие в сущности никаких обязательных занятий, тоже мало-помалу принялись за книгу. Это было единственное занятие, которым они, не унижая себя, могли наполнять свои невольные досуги. Громадное большинство, почти все литераторы и ученые, которыми так богаты XVIII и XIX вв. в Японии, происходили из среды самураев. И из этой же среды возникла первая сознательная оппозиция существующему строю. Из военной аристократии, поддерживавшей феодальный строй, самураи постепенно превратились в самый просвещенный и самый прогрессивный в массе слой населения — интеллигенцию

страны, взявшую на себя почин борьбы с полицейским государством.

Сознательнее, чем кто-либо, относились эти лучшие из самураев к переживаемому моменту. Они видели бедствия разоренного народа, его унижительное бесправие и горячо сострадали ему; они видели экономические неурядицы, грозившие разорить страну; они видели слабость правительства и разрозненность общества, грозившие, в случае первого столкновения, предать родину в руки более сильного неприятеля, и в них пробуждался горячий и отважный патриотизм; они чувствовали на себе оскорбительный гнет полицейско-шпионского режима, и в них загоралось возмущение и желание во что бы то ни стало найти выход.

Не весь, конечно, класс самураев был охвачен подобными мыслями. Правильнее, пожалуй, даже будет сказать, что в массе они едва только зарождались, а были, конечно, среди самураев и такие, которые совсем не задавались подобными вопросами, тупо довольствуясь настоящим. Из них впоследствии выпили приверженцы реакционных даймиосов. Но рядом с ними тут и там работала свободная мысль, стремясь найти способы помочь родине.

ЭПОХА ПЕРЕВОРОТА

Революционное брожение в обществе

Коренной переворот, изменивший целиком весь социально-политический строй Японии, совершился, конечно, не в один год, хотя его и принято называть переворотом 1868 г. В 1868 г. произошло лишь окончательное низложение шогунa, уже раньше потерявшего действительное значение. Начало его нужно отнести к тому времени, когда даймиосы стали впервые открыто проявлять неповиновение шогуну, а двор в Киото явно выказал неодобрение ему, — т. е. к концу пятидесятых годов. Окончание же его произошло лишь в 1889 году, когда утверждением конституции был завершен новый государственный строй в Японии. Интересно, что первый период, имевший целью реставрацию законного микадо, был наполнен кровопролитием, носил революционный характер; второй же, заключавшийся в изменении всех основ государственного строя, протекал, в общем, совершенно мирно. В первом периоде во главе движения стояли крупные даймиосы, имевшие в своем распоряжении организованные силы; во втором они постепенно отступают на второй план, руководство же движением переходит в руки самураев, не игравших первое время никакой самостоятельной роли.

Что же касается подготовительного периода, то его надо отнести, конечно, к гораздо более раннему времени. Глухое недовольство существующим строем стало зарождаться, как мы видели, еще в эпоху расцвета абсолютизма. Постепенно,

вместе с внутренним разложением абсолютизма, оно все росло и крепло, и, наконец, ко второй половине XVIII века, вылилось в настоящее революционное брожение, охватившее все высшее сословие и с минуты на минуту грозившее принять форму восстания.

Еще с начала XVII века среди высшего сословия Японии, в особенности же среди самураев, стали широко развиваться занятия разными отраслями науки и литературой. Отчасти благодаря стараниям правительства, отчасти благодаря тому, что в средние века Япония сильно отстала в умственном отношении от Китая, первоначально вся ее научная деятельность развивалась, как мы уже говорили, под сильным влиянием китайщины. Научные сочинения писались на китайском языке, литература заимствовала образцы из Китая, а философские учения целиком переносились с азиатского материка. В философии влияние Китая продолжало безраздельно царить до самого момента реставрации, но в других областях против него довольно скоро началась оппозиция, постепенно приобретающая все более широкое влияние.

Зародыш этой оппозиции был положен внимательным изучением родной истории, начатым еще при жизни Иеязу.

Мы уже упоминали выше о громадном историческом труде, предпринятом по инициативе даймиоса провинции Мито еще в начале XVII века, и доведенном до конца только к первым годам XVIII. Эта капитальная историческая работа, имеющая общее название Дай-Нихон-Ши, и составлявшаяся в течение целого века самыми сведущими людьми страны, легла в основу всех последующих исторических сочинений. Имея перед собой добросовестный свод исторических фактов, последующие историки могли уже более подробно характеризовать отдельные эпохи или разрабатывать общую прагматическую историю страны.

Первый опыт подобной работы дал один из известнейших ученых начала XVIII века, Хакусеки. Он впервые попытался очертить историю внутреннего развития страны за 2000 лет, причем он особенно внимательно останавливался на моментах внутренних кризисов и революционных переворотов. Хакусеки работал не только в области истории. У него есть также географические, экономические и финансовые работы. Из последних наиболее известны сочинения «О принципах финансов» и «О денежном обращении». Общее количество его трудов доходит до 300 и даже более.

Хакусеки пользовался большой славой среди своих современников. Одно время шогун Иенобу призвал его даже ко двору, и Хакусеки числился чем-то вроде придворного историографа. По поручению Иенобу он написал историю даймиосов с 1600 по 1680 г. Но со смертью Иенобу окончились и сыпавшиеся на историка милости. Правительство оказалось недовольно его работами, и последние годы своей жизни Хакусеки провел в изгнании. Умер он в 1715 г.

Первые исторические труды писались еще обыкновенно на китайском языке, но постепенно авторы, изучавшие древние памятники, написанные, конечно, по-японски, стали и сами употреблять родной язык. Вместе с этим изучение родной старины пробуждало в них и национальную гордость, вызывало стремление избавиться от чужеземного влияния и стать на свои ноги в умственном отношении. Мало-помалу из этого выросло широкое националистическое течение, поставившее своим лозунгом борьбу с китайщиной во всех ее проявлениях и пропаганду родного языка, родной религии — Шинто, и родной науки. Позднее к этому присоединился и национализм в политике.

Родоначальником этого националистического движения считается Кеитчиу, самурай по происхождению, ушедший в ранней молодости в монастырь, чтобы всецело посвятить себя научным занятиям. Всю свою жизнь он занимался собиранием памятников древней письменности. Он написал несколько трудов по изучению древней японской литературы, не потерявших значения и до последнего времени. Кроме того, он и сам был поэтом, слагая стихи в духе народной поэзии. Умер Кеитчиу в 1701 г., оставив по себе целую школу своих учеников, продолжавших работать в том же направлении и передававших его заветы.

Самым знаменитым из его дальнейших последователей был Мотоори Норинага, родившийся в 1730 г. Он тоже происходил из самураев. С детства его предназначали к медицинской карьере, но его влекло в другую сторону. Он рано натолкнулся на труды Кеитчиу и с тех пор занятия родной историей и родной литературой заслонили для него все. Всю свою жизнь он работал в этой области и издал более 100 томов своих сочинений. Наибольшее значение из них имеет разбор древнейшей японской летописи «Койики». Кроме целого ряда трудов по древней японской истории, литературе и по изучению самого языка, он написал еще несколько полемических трактатов против китайщины, — китайского языка и китайской литературы.

Увлекаясь исследованиями в области родной литературы, Мотоори и сам отдал дань поэзии. Ему принадлежит известное четверостишие — сжатая поэтическая характеристика Японии:

«Если спросят тебя,
Где душа острова Ямато —
То цветок вишни на склонах гор,
Изливающий свой аромат на заре».

Моотори, первый из ученых националистов, ввел в свои исторические труды элемент политики и коснулся современного положения вещей. Одно его сочинение, «Тама Кусиге», посвящено специально выяснению причин тяжелого положения его родины. Он описывает в нем бедствия земледельческого населения и выражает глубокое сочувствие к нему. Он считает, что аграрные

бунты, начавшиеся уже в ту эпоху, вполне понятны и служат скорее обвинением против даймиосов и правительственных чиновников, чем против голодающего и невежественного населения. Но он еще не доходит до мысли о коренном переустройстве всего государственного строя. По его мнению, главное зло происходит от обилия чиновников и от их злоупотреблений. Поэтому надо скорее приступить к реформам, клонящимся к уменьшению количества и улучшению качества чиновников.

Несмотря на такую умеренность его политических чаяний, правительство шогуна, всегда очень внимательное к малейшим проявлениям неудовольствия со стороны подданных, обратило внимание на литературную деятельность Моотори. В 1778 г. одно из его сочинений было запрещено. С этого момента правительство, раньше всячески покровительствовавшее науке и литературе, начинает относиться и к той, и к другой подозрительно. До тех пор оно видело в них скорее отвлечение от опасных воинственных склонностей феодального дворянства, приятное времяпрепровождение в часы досуга, а иногда и полезное занятие, из которого при случае правительство может извлечь для себя выгоду. Теперь оно почувствовало тут какую-то новую силу, не поддающуюся его власти, ускользающую от всех его полицейских скорпионов. Но примириться с этим оно, конечно, не могло. И вот в Японии начинается эра цензурного гнета и политических преследований, падающая только вместе с режимом.

Исторические сочинения, целые философские системы, несогласные с видами правительства, запрещаются или уничтожаются. Авторы их высылаются в отдаленные провинции, лишаются права печатать что бы то ни было, заключаются в тюрьмы. Еще в конце XVIII века шогуны Иенари запретили распространение всех философских теорий, противоречивших принятому в Японии конфуцианскому учению, Чу-хи или Чузи. Конфуцианизм в изложении Чу-хи освящал существующий строй, следовательно, всякое колебание его авторитета, всякое сомнение в его неопровержимости должно быть признано опасным. Между прочим, подверглась запрещению идеалистическая философия Уанг-ян-мина, стремившегося поднять значение личности.

Такой же строгой цензуре подвергались и исторические сочинения, из которых многие так и не увидели света, но зато усердно распространялись в рукописных списках. Конечно, преследование правительства шогуна не только не прекратило распространение идей, которые оно считало вредными, но, наоборот, еще усилило их.

Прежде исторические сочинения казались опасными только своим национализмом, своей борьбой с китайщиной в области науки и литературы, теперь они объявили борьбу существующему строю, самому правительству. Тот гнет правительства, который просвещенные люди замечали и прежде, теперь они ощутили на самих себе, а это, конечно, придало остроту их настроению. Они

теперь не только понимали, но и чувствовали все зло современного строя. Они обращались к прошлому, к истории уже с новыми запросами. Они искали там иного, более справедливого, менее угнетающего строя, и им казалось, что они находили его. Смягченное временем прошлое всегда имеет нечто притягательное. А тут в этом прошлом они находили черты резко противоположные ненавистному настоящему и уже по этому одному симпатичные им. Особенно привлекательным казался для них древнейший период японской истории и больше всего эпоха реформ «таиква», а также предшествовавший ей родовой уклад. Весь социально-экономический строй того времени казался им основанным на началах равенства и справедливости. Не было богатых и бедных, все имели одинаковую долю в эксплуатации главного богатства страны — земли; частной собственности на землю не существовало совсем и даже владение ею было общинным. Все были равны между собой и перед отеческой властью микадо. Теперь все изменилось. Глубокая социальная рознь расколола общество на париев и привилегированных, а во главе встал деспотический произвол шогунa. Точно так же, как и даймиосы, они не отдавали себе ясного отчета, что шогун угнетал страну и их, не как шогун из рода Токугавы, а как представитель деспотического абсолютизма вообще, и что если бы та же самая власть находилась непосредственно в руках микадо, то дело обстояло бы не лучше. Они видели, что страшное усиление центральной власти началось со времени водворения Токугавы, и свою ненависть к деспотизму вообще переносили на шогунов. По отношению к данному моменту они были правы, так как вся власть, действительно, олицетворялась шогуном, в будущем же время научило их расширить свои идеалы.

В противовес ненавистному и такому реальному шогуну они выдвигали далекого идиллического микадо, который некогда как отец правил своим народом, всем доступный и всегда справедливый. В лице микадо они олицетворяли иной, лучший, более справедливый в экономической области и более свободный в политическом отношении строй. И они страстно мечтали о низложении шогунa и воцарении вновь микадо. В этом пункте националисты-романтики встретились с даймиосами и некоторое время пошли с ними рука об руку, иногда увлекая некоторых из них за собой, а иногда допуская ради них некоторые компромиссы. И тем, и другим ненавистен был шогун, и те, и другие мечтали о восстановлении микадо. Конечно, и причины их ненависти, и цели восстановления прав микадо были у них совершенно разные, но до поры до времени пути их сходились, а там время показало, за кем должен был остаться перевес.

Для правительства обе группы — и идеалисты-романтики, и реакционные даймиосы — были одинаково опасны. Но с могущественными даймиосами было, конечно, труднее бороться, чем с самураями, будь они писатели, ученые или просто политические заговорщики. С 20-х годов XIX века число политических

процессов и цензурных изъятий особенно увеличивается. В 1836 г. подвергается запрещению историческое сочинение известного японского ученого Хираты, в котором он доказывал, что шогуны не более как узурпаторы, незаконно захватившие власть, и что истинные монархи Японии — микадо должны быть восстановлены в своих правах. В 1841 г. сам Хирата был выслан в свою родную провинцию Дева, и ему было запрещено печатать что бы то ни было. В 1843 г. один из рода даймиосов провинции Мито, Нариаки был арестован по подозрению в противоправительственной агитации и посажен в тюрьму, где он просидел до 1853 г. Но эти меры ни к чему не приводили. В том же 1836 г., когда было запрещено сочинение Хираты, появилась работа Раи Саню «Нихон Гуанси», посвященная специально истории шогунов, начиная с XII века, и доказывающая, что они были не более как узурпаторы. Сочинение это имело громадный успех и распространялось в сотнях списков. Шогуны были совершенно бессильны в борьбе с революционными идеями. Несмотря на строгие кары, запрещенные сочинения переписывались и читались с еще большим увлечением, и движение росло, ломая все преграды. Особенно сильно было оно в южных провинциях.

Молодежь, та самая молодежь, из которой впоследствии вышли главные деятели переворота, теперь училась, волновалась текущими событиями и строила смелые планы. Возникли кружки, невольно приводящие на память наши кружки сороковых и пятидесятых годов. Один из таких кружков описывает биограф едва ли не самого замечательного деятеля переворота 1868 г. — Окубо.

Окубо Тосимисти происходил из самураев провинции Мито. С детства он отличался большими дарованиями, крайней любознательностью и замечательной твердостью и прямоотой характера. На своих товарищей он всегда оказывал огромное влияние. В ранней молодости вокруг него образовался кружок друзей, с некоторыми из которых он вместе выступил впоследствии на арену общественной деятельности. Наиболее известные из них Нагунама Кахе, Каиедо Набунози и Саиго Такамори. С последним Окубо с детства связывала особенно тесная дружба. Рука об руку вступили они на путь политической борьбы, но впоследствии жизнь далеко развела их, они стали непримиримыми политическими противниками. Но в сороковые годы ни малейшего диссонанса не звучало еще в тесном товарищеском кружке. «Они имели обыкновение по вечерам собираться у одного из друзей. За чаем велись бесконечные разговоры, иногда читали. Давались торжественные обещания никогда не забывать этих собраний. Друзья изучали сначала Чузи, но скоро Окубо увлек их перейти к Ито Мосмону, излагавшему философию Уанг-Янг-Мина. Чузи — раб традиции, сторонник объективной реальности — не привлек их; но теории Уанг-Янг-Мина, идеалиста с оттенком стоицизма, воодушевляли их. Большое значение, придаваемое совершенствованию своего «я» и воспитанию воли, приводило в восторг юношей, мечтавших о великих подвигах. В это время учение Уанг-

Янг-Мина было запрещено правительством, как еретическое. Это придавало собраниям аромат конспирации. Конечно, во время этих собраний обсуждались события дня. Скоро политика властно вторглась в их жизнь и рассеяла их золотые мечты и бескорыстные планы» (M. Gourant. «Okoubo», Paris, 1904 г., стр. 45. Из серии «Ministres et hommes d'etal»).

Если исключить отсюда чуждые звуки китайских и японских имен, то не прозвучит ли этот отрывок чем-то знакомым, не встанут ли в памяти кружки Белинского, Станкевича, не пахнет ли настроением сороковых и пятидесятих годов у нас? И эта аналогия не ограничивается одним настроением передовой молодежи. В самых обстоятельствах, вызвавших у нас реформы шестидесятих годов, а в Японии переворот 68 г., было много общего, несмотря на значительные местные различия. Точно так же, как и Россия, Япония переживала трудный экономический момент. Положение земледельческого населения и тут, и там было крайне тяжело; государственные финансы — плохи. И в обоих случаях главной причиной этого служил крепостнический гнет. Наконец, и внешний толчок, ускоривший наступление эпохи реформ, в обоих случаях был аналогичен. У нас — крымская кампания, там — опасение разгрома со стороны европейцев. Лучшие люди среди образованной японской молодежи так же, как и у нас, глубоко чувствовали всю тяжесть переживаемого момента и ясно понимали, в каком направлении искать выход. Но в стране они нашли мало сознательных элементов, на которые они могли бы опереться в достижении своих планов. Естественным образом, они обращались к правительству для проведения необходимых и неотложных реформ. И в этом отношении создалось положение во многом аналогичное с нашим. Передовая интеллигенция шла рука об руку с правительством. Только дальнейший ход движения принял там иной оборот, чем у нас.

До сих пор, характеризуя начавшееся в стране революционное брожение, мы останавливались исключительно на роли высших классов. Само собой понятно, что сознательное отношение к переживаемому моменту было больше распространено в их среде, как в среде более культурной и образованной. Но реальное положение рабочей массы было, без всякого сомнения, еще неизмеримо тяжелее. И экономические, и политические неурядицы, переживаемые страной, в последнем итоге всегда ложились на нее. Податной гнет почти целиком перекладывался на нее, и политическое бесправие самым ощутительным образом испытывалось им. Но самая громадность этого двоякого гнета лишала ее возможности отдать себе отчет в его причинах, подавляла ее сознание. В массе оно отвечало только глухим ропотом и отдельными стихийными возмущениями, не объединенными общей сознательной целью. Борьба с ними для правительства вследствие этого была не особенно затруднительна. Но все это справедливо только в отношении всей массы крестьянского населения. Мы не должны

забывать, что при всей угнетенности и подавленности народа в Японии он уже давно вышел из первобытной варварской стадии культуры. Еще в начале XIX в. Головнин отмечал тот факт, что «если вообще взять народ, то японцы имеют лучшее понятие о вещах, нежели нижний класс людей в Европе» и даже находил, что японцы в массе «самый просвещенный народ во всей подсолнечной». Просвещение здесь надо, конечно, понимать в самом примитивном смысле. Но даже простая грамотность высоко поднимает людей над полуживотными, с которыми можно безнаказанно совершать все, что угодно. Правительство это прекрасно сознавало. И поэтому даже незначительные признаки сознания среди крестьянской массы пугали его больше, чем совершенно стихийные бунты, легко поддающиеся усмирению силою. Мы не решились бы утверждать, что подобные проявления сознательного недовольства и открытое требование справедливости со стороны крестьян были особенно частым явлением в первой половине прошлого века в Японии. Но во всяком случае они бывали, и уже это одно имеет громадное значение. Мы приведем только один документ, доказывающий, что, по крайней мере в отдельных случаях, крестьяне ясно понимали всю серьезность положения, переживаемого страной и, с своей стороны, указывали выход.

В 1850 году старшина деревни Огуши послал шогуну от имени своих односельчан петицию об уменьшении произвола и гнета, становящегося невыносимым и грозящего, по их мнению, серьезными последствиями для всего народа. Петиция начинается с характеристики высших классов населения, в особенности чиновников и военных. «Бесполезно, — говорит автор, — издавать распоряжения, требующие от крестьян и других граждан бережливости и трудолюбия, когда стоящие у власти лица, долг которых показывать народу хороший пример — сами погрязли в роскоши и праздности». Далее он переходит к самому правительству и упрекает шогунов в такой же расточительности и трате народных средств на бесполезные сооружения. «Согласно ли это с намерениями славного основателя вашей династии? Посмотрите на алтари в Изе и иных местах и на императорские гробницы последующих веков. Употреблялись ли золото и серебро для украшения их?» Обращаясь затем к вассалам шогуна, он обвиняет их в тирании, хищничестве и безнравственности. «Самураи одеваются богато, — восклицает он, — но как презренны они кажутся в глазах тех крестьян, которые знают, каким путем добыто то, что они имеют!»

Потом записка переходит к характеристике отдельных мер правительства и находит их крайне нецелесообразными. Опасаясь крестьянских бунтов, правительство в то время издало декрет, запрещающий кому бы то ни было, кроме военных, носить оружие. Автор петиции считает это запрещение совершенно незаконным и, кроме того, опасным. «Может быть, — пишет он, — декрет издан в предположении, что Япония неприступна по своему естественному положению и защищена со всех сторон. Но когда она получит оскорбление от

иностранного государства, то может явиться необходимость созвать милицию. И кто знает, что люди, подобные Тоиотоми (Тоитомии Хидейоши), не появятся опять среди представителей низших классов?» Всего через пять лет это предположение начало сбываться, и правительству, быть может, не раз пришлось пожалеть, что оно лишило себя поддержки народа. Волей-неволей ему оставалось только положиться исключительно на свои собственные организованные силы, а их оказалось более чем недостаточно.

Записка кончается следующими знаменательными словами: «Если двор шогуна и военный класс вообще будут настаивать на настоящем репрессивном образе действий правительства, то небо посетит эту страну еще более великими бедствиями; и если этого не поймут вовремя, то последствием может быть возмущение граждан. Я поэтому умоляю, чтобы начертания славного основателя династии не забывались; чтобы простота и бережливость были руководящими началами для администрации, и чтобы была объявлена общая амнистия, согласная с волею небес и способная успокоить народ. Если эти скромные советы мои будут исполнены, то угрожающее бедствие рассеется перед светом добродетели. Вопрос о том, будет обеспечена или нет безопасность страны, разрешится в зависимости от того, будет или нет администрация допускать произвол. Я прошу того, чтобы страна могла наслаждаться миром и спокойствием и чтобы народ мог быть счастлив и благоденствовал» (Алиса Бэкон, стр. 188—190).

Вместо того, чтобы считаться с подобными выражениями искреннего мнения, правительство всеми силами старалось подавить их проявления. Попытки крестьян заявить о своих нуждах встречались строгими карами, доходившими до смертной казни. Известен факт, как один деревенский старшина пришел специально в Иедо, чтоб просить шогуна о защите против произвола местного даймиоса. Но никто не отважился принять его просьбу и явиться посредником между ним и правительством. Тогда он решился на отчаянный шаг. Он подстерег на дороге паланкин правителя, бросился к нему, остановил процессию и сунул в руки шогуна бумагу. Подобный поступок считался величайшим преступлением. Виновник был схвачен и предан смертной казни.

Конечно, подобными приемами трудно надеяться искоренить недовольство и водворить порядок. Чем больше усиливалась правительственная репрессия, тем больше росло возбуждение в обществе, охватывая все более широкие круги.

Недалеко было исполнение рокового для правительства предсказания крестьянской петиции. Достаточно было небольшого толчка, чтоб превратить тлеющие везде искры и отдельные вспышки в один общий пожар, охвативший всю страну. В этом пожаре суждено было погибнуть правительству шогуна, не сумевшему понять потребностей народа. Но самая страна вышла из него обновленной, полной животворных сил.

Вторжение иностранцев и низложение шогуна

К шестидесятым годам девятнадцатого века положение дел в стране запуталось до последней степени. Неурожаи следовали за неурожаями, разоряя население и истощая казну; крестьяне отвечали на них бунтами. Даймиосы роптали и открыто ездили в Киото, пренебрегая запрещениями шогуна. Люди всех сословий, не находившие себе работы, бродили по стране и увеличивали смуту.

Правительство бросалось во все стороны в бесплодных попытках заткнуть то те, то другие дыры. В 1841 г. оно попыталось было даже уничтожить гильдии, чтобы дать выход беспокойным элементам, не находившим себе места, и понизить цены на продукты, достигшие невероятной высоты. Но эта мера так противоречила всему крепостническому строю общества и вызвала такой ропот среди крупных торговцев и промышленников, что пришлось очень скоро отменить ее. Для поправления финансов оставались только новые попытки усиленного выпуска денег, но они в итоге вносили еще больше смуты и беспорядка, не улучшая положения казны.

В довершение всего уже с начала XIX века торговые суда разных европейских стран снова начинают попытки завязать торговые сношения с Японией, а при неудаче не стесняются даже пускаться в ход силу. С севера тревожат русские, владения которых подходят к северным границам страны, с востока американцы, с юга, главным образом, англичане. Еще в 1805 г. русское посольство с Резановым во главе приезжало в Нагасаки и пыталось побудить правительство Японии вступить в договорные отношения с Россией, но попытка эта не привела ни к чему. Предложение Резанова было решительно отклонено. Вслед за тем, в 1806 г. русский лейтенант Хвостов с двумя судами делает ряд нападений на Сахалин и Курильские острова, грабит жителей прибрежных селений, захватывает два японских торговых судна, забирает с них все ценные товары и уводит в плен нескольких японцев. Это возбуждает такой страх и недоверие в японцах, что, когда четыре года спустя к тем же берегам пристаёт уже действительно с мирными намерениями капитан Головнин, они заманивают его в ловушку и берут в плен.

С конца сороковых годов открытие некоторых китайских гаваней и начавшаяся в Калифорнии золотая горячка особенно увеличивают торговое движение по Великому океану, от американского к азиатскому берегу. Японские острова, лежащие как раз на дороге, представляют единственную станцию, необходимую на таком длинном пути. Попытки остановок там происходят чуть не ежегодно. Положение правительства еще ухудшается. С одной стороны, основной закон

империи не допускает присутствия иностранцев, население относится к ним с недоверием, и гильдии всеми силами протестуют против ввоза иноземных товаров. С другой стороны, оно не имеет сил помешать им, так как у него не хватает средств, чтобы улучшить войско и вооружение, и, кроме того, оно не может рассчитывать на единодушную поддержку могущественных даймиосов.

В 1853 году происходит событие, заставляющее правительство принять хоть в этом вопросе какое-нибудь окончательное решение. 8-го июля в бухту Иедо входит американская военная эскадра, состоящая из четырех больших судов, под командой commodore Перри. Она не проявляет, впрочем, никаких воинственных намерений. Коммодор Перри желает только передать письмо президента Соединенных Штатов к правителю Японии — шогу. Сначала ему в этом отказывают, так как иностранцы не имеют права приставать к японским гаваням, и все сношения с ними могут происходить только при посредстве голландцев. Но коммодор настаивает, и его аргументы — в виде четырех военных судов — так убедительны, что не остается ничего другого, как принять письмо президента и обещать ответ на него до истечения года. Коммодор Перри удовлетворяется пока этим и уходит в Китай.

Письмо президента не заключало в себе ни угроз, ни неисполнимых требований. В самой любезной форме оно предлагало правителю Японии вступить в дружественные сношения с Соединенными Штатами, как подобает двум соседним странам. От этого может произойти только обоюдная выгода. Для себя Соединенные Штаты желают лишь дозволения их судам останавливаться в каких-нибудь японских гаванях, чтоб возобновлять запасы угля и пресной воды. Пункты будущего договора предоставляется выработать коммодору Перри, совместно с уполномоченными японского правительства.

Как ни были умеренны желания американцев, для Японии удовлетворение их представляло вопрос большой важности. Допустить американцев в какие-нибудь другие гавани, кроме Дешимы, значило впустить в страну европейские товары, значило подорвать гильдии, значило пошатнуть весь экономический строй и, кроме того, нарушить все традиции.

Как раз во время обсуждения всех этих вопросов, 25-го августа 1853 г. умер шогун Иеяши. Хотя бюрократическая машина была настолько налажена, что смена одного правителя другим не представляла события особенно большой важности, но все-таки водворение нового шогуна было по традиции связано с большими расходами, а для казны в то время даже такое напряжение имело значение. Шогуном был провозглашен сын Иеяши — Иезада.

Вслед за этим в Нагасаки появилась русская эскадра адмирала Путятина, в составе судов которой находился, между прочим, и фрегат «Паллада». Путятин со своей стороны предложил шогуна установить дружественные торговые сношения с Россией. Английская эскадра, хотя и не входила в бухты, но крейсировала в

китайских водах, и каждый момент могла явиться с подобными же требованиями.

Все это не содействовало спокойному обсуждению важных предложений президента Соединенных Штатов. Хотя иноземные эскадры и не имели, по-видимому, враждебных намерений, но едва ли могло быть сомнение, что в случае отказа они пустят в ход силу для подкрепления своих желаний. А что могло противопоставить им правительство шогуна? Плохо вооруженное войско, внутренние неурядицы и пустую казну.

13-го февраля 1854 года коммодор Перри явился за ответом, и естественным образом правительство без дальнейших промедлений приступило с ним к выработке проекта договора, стараясь только по возможности сузить рамки прав, даваемых вновь иностранцам. 31-го марта проект был выработан и послан на утверждение в Вашингтон. Договор состоял из 12 статей, сущность которых сводилась к следующему: Япония и Соединенные Штаты вступают в мирные, дружественные сношения, Япония открывает для американских судов две гавани — Шимода на восточном берегу Ниппона немедленно, и через год Хакодате — на Иезо. В этих гаванях суда могут покупать все необходимые для них запасы, но исключительно через правительственных чиновников. Торговля иностранными товарами будет подчинена японским законам. В Шимодэ может жить американский консул и агенты. Американцы, живущие в обоих указанных портах, могут беспрепятственно выезжать за черту их и подлежать охране местных законов. Договор вступает в силу через 18 месяцев по подписании.

Немедленно по заключении этого договора английский, русский и голландский адмиралы явились в Нагасаки просить и для своих стран таких же привилегий. Отказать им не было ни повода, ни возможности. Напротив, пришлось еще к первым двум портам прибавить третий — Нагасаки.

Как только весть о подписании договора распространилась, в стране началось сильное волнение. Многие даймиосы были решительно против допущения иностранцев, другие, особенно в южных провинциях Мито, Кошу, Сатсума, Тоза и др., видели в этом удобный предлог для открытого возмущения против шогуна. Как шогун принимает такое важное решение, нарушающее основные законы, без ведома страны, без ведома законного монарха. Он ведет переговоры с иностранцами от своего имени, не давая им даже заподозрить, что он только уполномоченный, а настоящий монарх — микадо. По существу во всем этом не было ничего незаконного, так как по смыслу закона микадо передоверял всю свою власть шогуну, и тот управлял страной совершенно самостоятельно, не испрашивая никогда разрешения микадо на отдельные акты.

Тем не менее и сам шогун не был уже в такой мере, как прежде, уверен в своей силе. Чтоб заглушить неудовольствие, он написал микадо письмо, в котором сообщал ему о предстоящем через 11/2 года открытии гаваней и приводил ему свои резоны. Микадо сухо ответил ему, что он может поступать, как находит

нужным, но микадо не одобряет его.

Такой ответ еще более возбудил врагов шогуна, хотя они все еще не решались действовать силой. Только споры становились все ожесточеннее, и лозунг «почитай микадо и изгоняй варваров» уже стал раздаваться то тут, то там. До иностранцев тоже достигли отголоски этих волнений, и они впервые узнали, что шогуна, которого они считали полновластным монархом, не всеми в Японии признается законным главою правительства. Для них это имело большое значение, так как подвергало сомнению заключенные ими договоры. Во всяком случае, они решили действовать, не принимая этого во внимание. В августе 1856 года представитель Соединенных Штатов Гаррис явился, как было условлено, в Шимоду. Правительство, хотя и с большими колебаниями, разрешило ему поселиться там, и даже в следующем году шогуна принял его в аудиенции. Сэр Гаррис понимал шаткость положения правительства, видел враждебное отношение к иностранцам двора в Киото и торопился как можно скорее упрочить положение американцев. Пользуясь слабостью шогуна, он добился от него заключения новых торговых договоров, по которым права иноземных купцов были очень расширены. Между прочим, им предоставлялось право вести торговлю в Иедо и Осаке. Теперь уже проявились и реальные последствия открытия портов, хлынули иностранные товары, производя целую революцию в ценах и разоряя местных купцов и промышленников. Ропот сделался всеобщим, и положение иностранцев стало довольно-таки рискованным. Начались тайные убийства приезжих купцов. Правительство шогуна чувствовало всю опасность этого, но не в силах было положить конец беспорядкам.

Среди всех этих тревог шогуна Иезада, человек еще молодой и здоровый, внезапно умер. Прямых наследников у него не было, и после долгих пререканий среди самого правительства шогуном объявлен был один его родственник, двенадцатилетний мальчик. Регентом же до его совершеннолетия назначен был Ии-Камон-но-Ками, человек очень энергичный, сразу ставший главой партии шогуна. Он уже раньше играл главную роль при заключении вторичного договора с сэром Гаррисом, и теперь его назначение регентом показалось в Киото прямым вызовом. Преданные микадо даймиосы собирались в Киото и побуждали микадо действовать решительнее и требовать от шогуна изгнания варваров. Но правительство зашло слишком далеко, чтобы отступать назад, и Ии-но-Ками был не такой человек, чтобы признать себя побежденным. 23-го марта 1860 года он был убит фанатическими приверженцами старины в Иедо, перед окнами дворца шогуна. Для правительства это было громадным ударом. Его престиж настолько упал, что оно не могло даже наказать его убийц, с триумфом понесших его голову в резиденцию провинции Мито.

Пользуясь замешательством, наступившим в Иедо, микадо сам назначил опекуном к малолетнему шогуна одного из преданных ему даймиосов.

Между Иедо и Киото водворилось временное перемирие. Молодой шогун был привезен в Киото и представлен микадо; вслед затем его женили на сестре микадо.

Но все это было совсем не на руку крупным даймиосам, которые мечтали вовсе не о примирении между микадо и шогуну, а о полном низложении шогуна. Как только молодой шогун вернулся в Иедо, между двумя правительствами снова начались недоразумения. Теперь уже в стране, действительно, господствовало двоевластие, и никто не мог разобрать хорошенько, кто может повелевать и кто обязан повиноваться. Из обеих столиц исходили указы, часто противоречивые, иногда взаимно уничтожающие друг друга. Снова возобновились нападения на иностранцев. В январе 1861 г. был убит секретарь американского консульства, в июле было совершено открытое нападение на английское консульство. А между тем, после первых пертурбаций, вызванных появлением иностранных товаров, оживление торговли стало сказываться и положительным образом. Пустующая казна шогуна быстро наполнялась, благодаря международной торговле, развивавшейся в его городах. Правительство укрепилось в намерении энергично защищать принятое им в отношении иностранцев решение и не обращать внимание на недовольствие в Киото.

Взаимные отношения двух властей снова обострились.

В этот момент некоторые из даймиосов, опасаясь нового усиления шогуна, решили пустить в ход силу и принудить шогуна к повиновению. В Киото съехались несколько крупных даймиосов, а с юга из Сатсумы тронулось целое войско под предводительством Шимадзы. На совещании в Киото решено было послать Шимадзу в Иедо и требовать от шогуна настоятельно изгнания иностранцев. Посольство это не имело успеха, правительство шогуна стояло на своем. Но на обратном пути Шимадзы случилось обстоятельство, ускорившее развязку запутавшегося узла.

Невдалеке от Иедо торжественный поезд Шимадзу встретил небольшую кавалькаду европейцев, катавшихся в окрестностях Юкогамы. По японскому этикету все путники, встречающие поезд даймиоса, должны уступать ему дорогу и сторониться. Англичане, не зная этого, спокойно продолжали путь. Но когда они поравнялись с паланкином Шимадзы, возмущенные таким неуважением самураи окружили их, размахивая мечами и один из них смертельно ранил м-ра Ричардсона. Остальные англичане отделались легкими ранениями и благополучно ускакали в Иокогаму. Это случилось в сентябре 1862 г.

Английское консульство немедленно потребовало от правительства удовлетворения в виде примерного наказания виновного и денежного вознаграждения в размере 100 000 фунт, стерл. от правительства и такой же суммы от даймиоса Сатсумы. Шогун ответил, что со своей стороны он уплатит свою долю, но наказать виновного и взыскать пеню с непокорного даймиоса он

не в состоянии. После долгих переговоров английская эскадра в составе семи военных судов направилась к Сатсуме и подвергла бомбардировке резиденцию даймиоса — Кагошиму, на южном берегу Киу-Сиу. Все новые сатсумские корабли были захвачены и потоплены. Требуемые деньги после того были немедленно уплачены.

Приблизительно в это же время в северной части Киу-Сиу произошло другое обстоятельство, тоже имевшее серьезные последствия. Еще на съезде даймиосов в Киото летом 1862 года было решено в случае неповиновения шогуна изгнать собственными силами иностранцев. Сроком для исполнения этого было назначено лето 1863 г. Но к этому времени микадо и большинство даймиосов оставили этот план, находя его во многих отношениях неудобным, и только один даймиос провинции Чоши решил за свой страх привести его в исполнение. Провинция Чоши была расположена по обеим берегам Симоносекского пролива, и вот, когда 25-го июня 63 года по Симоносекскому проливу проходил небольшой американский торговый пароход, с берега стали обстреливать его из пушек. Он успел уйти без большого вреда. Но через несколько дней то же самое произошло с французским пароходом, а еще через день с голландским.

Как только весть об этом дошла до Иокогамы, оттуда тотчас же было послано американское военное судно, чтобы немедленно наказать за оскорбление американского флага. К нему присоединилось французское и голландское военные суда, и соединенными силами они совершенно уничтожили береговые укрепления Симоносекского пролива и обратили жителей в бегство. Вместе с этим иностранные консулы потребовали у правительства в вознаграждение за убытки громадную сумму в 3 миллиона долларов.

Пока переговоры об этом шли в Иедо, около Киото разыгрывался но вый акт борьбы. Род Чоши решил попытаться силою принудить микадо к более решительным действиям против шогуна. Собрав значительное войско не только из своих самураев, но и из бродячих ронинов, даймиос Чошу направился к Киото. Но в Иедо своевременно узнали об этом, и ему навстречу были посланы более значительные военные силы шогуна и несколько верных ему даймиосов. Войска Чоши после жестокой битвы были разбиты наголову, и беглецы скрылись в своей провинции. Враги шогуна притихли. Тайные сторонники рода Чоши были по распоряжению шогуна изгнаны из Киото и лишены своих званий.

Почти одновременно с неудачной битвой на севере, на юге силы Чоши тоже потерпели большой урон. 5-го сентября 1864 г. соединенная эскадра, состоявшая из 9 английских, 4 голландских, 3 французских и одного американского судна, совершенно разгромила Симоносеки и принудила даймиоса пойти на все уступки.

Двойная бомбардировка Симоносеки и Кагошимы показала даймио-нам южных провинций все превосходство европейского оружия и военного строя. С этих пор на юге началась деятельная подготовка к будущим военным действиям

против шогуна, без которых, очевидно, нельзя было обойтись. Шогун все еще был слишком силен, чтобы его можно было низложить одним декретом микадо. Со своей стороны недовольные элементы стягивались на юг, там формировалось войско по новым образцам, спешно закупались и изготавливались орудия и снаряды. Подготавливалась серьезная междоусобная война.

Все эти приготовления сильно тревожили иностранных представителей. Несмотря на победу, одержанную шогуном, они чувствовали, что силы его убывают, и что недалеко время, когда Киото может оказаться сильнее его. В виду этого, они считали необходимым добиться санкции своих договоров от микадо, пользуясь тем моментом, когда шогун приобрел над ним временный перевес.

Во главе правительства шогуна стоял в это время регент Хитсотсубаши, сменивший Ии-но-Ками. Хитсотсубаши ясно понимал всю невозможность нарушить договоры с иностранцами и сумел убедить микадо не отказывать им в их просьбе, так как иначе ему же придется нести последствия этого. Иностранцы могут направить свои силы и против Киото. Микадо, лишенный поддержки своих друзей, согласился, и 23-го октября 1866 года дал, наконец, просимую санкцию.

На юге, между тем, уже поднималось восстание. Во главе его стоял Саиго Такамори из рода Шимадзы. Посланные шогуном войска терпели поражения, и мятежники, стремившиеся восстановить власть законного монарха, подвигались все ближе и ближе к северу. Весь юг страны был охвачен жестокой междоусобной войной.

В это время, 13-го октября 1866 года, восемнадцатилетний шогун умер так же скоропостижно, как и его предшественник, не назначив себе никакого наследника. Естественным образом выбор пал на его родственника Хитсотсубаши, заведовавшего и при жизни его всеми делами. Микадо одобрил этот выбор, и 6-го января 1867 года Хитсотсубаши был провозглашен шогуном. Он известен более под китайским именем Кеики.

В следующем же месяце умер царствовавший в то время микадо Комеи и на престол вступил его сын Мутсу Гито, царствующий в Японии и до сих пор. В то время ему было 14 лет. Ко двору в Киото снова съехались главные даймиосы в сопровождении лучших из своих самураев.

Долгое время они совещались о том, каким способом положить конец внутренним беспорядкам, разорявшим страну и обессиливавшим ее в виду более сильных врагов. Наконец, даймиос Тозы предложил сделать последнюю попытку окончить дело миром.

Он написал длинное и откровенное письмо шогуну, убеждая его поступиться своею властью для блага страны. «Причина нынешних беспорядков, — писал он, — заключается в том, что управление исходит из двух центров, и очи, и уши страны должны быть обращены в два противоположных направления. Ход

событий привел к революции, и старая система не может долее существовать. Вы должны вернуть власть в руки монарха и положить тем основание, стоя на котором, Япония может сделаться равной другим странам».

Что подействовало в данном случае на Кеики, сознание ли безнадежности его положения, или действительно желание блага родины, или просто личная слабость, но только, вопреки всем ожиданиям, он после некоторого колебания послал микадо свое отречение. Он заявил, что отныне и навсегда он слагает с себя звание шогуна и передает свою власть в руки микадо. Впредь до установления нового управления страной он предлагал нести на себе все заботы по управлению делами, только уже не в качестве шогуна. Это произошло 19-го ноября 1867 г. Одновременно с этим в послании к своим вассалам и приверженцам он объяснил мотивы своего поступка именно теми аргументами, которые приводил в своем письме даймиос Тозы.

Такого же рода объяснительное письмо он послал и представителям иностранных держав.

«Я пришел к убеждению, — писал он в нем, — что страна не может дольше успешно управляться, пока власть будет разделена между императором и мною... Поэтому я, для блага моей страны, известил императора, что я отказываюсь от власти правителя с тем, чтобы созвано было собрание даймиосов, которое решит, каким образом и кем должна впредь управляться страна.

Поступая так, я нарушаю свои собственные интересы и отказываюсь от власти, унаследованной мною от моих предков, ради более важных интересов страны. В силу этого я удаляюсь с поля действий, вместо того чтобы противопоставить силу силе... Что касается того, кто истинный монарх Японии, то относительно этого ни у кого в Японии не может быть никакого сомнения. Император есть монарх.

Моей целью с самого начала было исполнять волю нации. К этому же должно стремиться и будущее правительство. Если нация решит, что я должен отречься от власти, я заранее готов отречься для блага страны... У меня нет никакой цели, кроме следующей: честно любя свою страну и народ, я отказываюсь от власти, полученной мною от предков, имея в виду созвать собрание высшего сословия страны, которое должно беспристрастно обсудить вопрос, и заранее решаясь подчиниться мнению большинства о будущем устройстве правления» («The Ninetenth Century», 1994 г. July).

В Киото отречение шогуна произвело громадный эффект. Немедленно же были приняты все меры, чтобы укрепить создавшееся положение и не дать шогуну возможности одуматься.

Дворцовая охрана, находившаяся в руках преданных шогуну даймиосов, была передана родам Сатсумы, Тозы, Овари и Ечизен. Род Чоши, бывший в опале с 63 г., получил амнистию так же, как и придворные, пострадавшие одновременно

с ним. Звание шогуна и все правительство шогуна — бакуфу было объявлено несуществующим. И, наконец, было учреждено временное правительство, состоявшее из придворных (куге) и преданных микадо даймиосов, ведавших с этого момента все дела управления.

Первым же актом этого нового правительства было заявление, обращенное к микадо. Заявление это очень интересно во многих отношениях. Во-первых, оно показывает, со стороны окружавшей престол группы, ясное представление о важности переживаемого момента. Во-вторых, оно в общих чертах намечает направление будущей деятельности правительства, и направление это оказывается далеко не таким враждебным по отношению к европейцам, как можно было ожидать от приверженцев микадо, зарекомендовавших себя яростными врагами всего иноземного. События заставили их незаметно для самих себя диаметрально изменить точку зрения. Мы позволим себе привести наиболее характерный отрывок этого интересного документа.

«... Мы испытываем некоторую тревогу, — писали они, — при мысли о том, что мы могли бы последовать дурному примеру китайцев, которые одних себя считали великими и достойными уважения, а на иностранцев смотрели немногим лучше чем на зверей, а в конце концов стали терпеть от этих самых иностранцев и должны были подчиниться им же.

Поэтому нам кажется, после зрелого размышления, что самая важная задача, предстоящая нам в настоящий момент, заключается в том, чтобы понять потребности времени и начать великое дело реформирования нации. Ввиду этого чрезвычайно важно определить наше отношение к данному вопросу.

До сих пор наша империя держалась в отдалении от других стран и не имела понятия о силах внешнего Мира, мы думали только о том, чтобы причинять себе как можно меньше беспокойства, и в своем попятном движении мы рисковали быть завоеванными иностранцами.

Посещая иноземные страны и изучая, что там есть хорошего, сравнивая их постоянное движение вперед, их разумное управление, их прекрасную военную организацию и обеспеченность их населения с нашим теперешним состоянием, мы легко можем указать причины благоденствия и упадка...

Чтобы поднять упавший престиж императора и заставить уважать его власть, необходимо принять твердые решения и покончить с узкими и тупоумными понятиями, господствовавшими до сих пор.

Мы просим, чтобы высшие чины Двора открыли свои глаза и, соединившись с теми, кто стоит ниже их, установили отношения искренние, простые и дружеские, и чтобы, исправив наши недостатки тем, что есть лучшего у иностранцев, мы установили на будущее время прочную форму правления. Мы просим их помочь императору принять мудрые решения и отдать себе отчет в положении

страны; оставить глупую привычку бранить иностранцев собаками, козлами и варварами, изменить заимствованные из Китая придворные церемонии, допустить иностранных представителей ко двору, как делается у всех народов, и опубликовать это к сведению всей страны, чтобы простой народ знал, как смотреть на этот вопрос. Это наша самая серьезная просьба, представляемая со всей почтительностью и смирением» («The Nineteenth Century», 1994 г. July).

Декрет об упразднении шогуната был подписан 3-го января 1868 г. Этот день считается поворотным пунктом японской истории.

15 января был издан манифест, объявляющий во всеобщее сведение о восстановлении в полном объеме власти микадо. Вот его дословный текст:

«Мы возвещаем сим государям и подданным всех иноземных стран, что шогун Токугава Кеики отрекся от своей правительственной власти, и впредь все управление будет совершаться под нашим непосредственным наблюдением, и все государственные дела будут исполняться именем императора, а не шогуна, как было до сих пор. Впоследствии будут назначены специальные чиновники, чтобы вести сношения с иноземными странами. Послы иноземных государств должны сообразоваться с выраженной нами здесь волей» (Stead, «Japan by the japanese», ст. 1).

В Японии с этого момента считается новая эра, называемая эрой Меиджи (т. е. эпоха просвещенного мира). В действительности, новая эра наступила далеко не так внезапно, — прошло еще много времени, раньше чем новое правительство совершенно обеспечило себя извне и окончательно организовалось внутри.

Среди сторонников шогуна весть о его отречении вызвала неописуемое смятение и негодование. Они далеко еще не считали своего дела окончательно проигранным, и такой преждевременный отказ от борьбы казался им просто трусостью.

Со всех сторон приверженцы шогуна съезжались в Осаку, куда приехал и Кеики после своего прощального визита в Киото. Всеми силами они старались возбудить честолюбие Кеики и убедить его вернуть свои права. В конце концов они достигли своего. Кеики дал им разрешение собрать войска и двинуться вместе с ним в Киото. Когда в Киото узнали об этом, там решили сделать еще одну миролюбивую попытку. Даймиосы Овари и Ечизена были посланы к бывшему шогуну для переговоров. Они предлагали ему приехать в Киото одному и занять место в формируемом правительстве. Кеики соглашался, но под условием, чтобы молодой микадо удалил от себя «дурных советников», т. е. это значило, чтобы он снова изгнал из Киото преданных ему даймиосов и окружил себя сторонниками шогуна. На это посланные не могли, конечно, согласиться. Они уехали в Киото ни с чем, и оттуда было послано предписание южным провинциям послать свои войска для защиты микадо.

Встреча враждебных сил произошла на дороге от Осаки к Киото, Войска шогуната были гораздо многочисленнее, но европейское оружие и четыре года упражнений в новых военных приемах склонили перевес на сторону южан. Три дня, с 27-го по 30-е января 69 г. длилась ожесточенная битва, и, наконец, войска шогуната были обращены в беспорядочное бегство. Противники преследовали их до самой Осаки, и там Кеики едва успел спастись, сев на корабль. Разбитый и уничтоженный, вернулся он в Иедо. Его первый министр настаивал, чтобы он произвел над собой харакири, чтобы спасти, по крайней мере, честь дома Токугава. Но он не согласился на это. Тогда его министр сам покончил с собой этим же способом.

В Иедо к бывшему шогуну прибыли посланные микадо самураи Катзу и Окубо. Кеики дал им торжественное обещание, что не поднимет больше меча против своего законного монарха. С этих пор он удалился в частную жизнь и не делал больше ни одной попытки нарушить внутренний мир в своей родине.

Приверженцы его не так скоро смирились. Междоусобная война длилась еще несколько месяцев. Но войска шогуната нигде не встречали сочувствия и поддержки, так что им пришлось, наконец, удалиться на Иезо, где они провозгласили республику. 27-го июня 69 г. силы их были окончательно разбиты войсками микадо, и республика уничтожена.

Выработка основ нового строя

С момента окончательного поражения последних сторонников Кеики имя шогуната, больше двух веков наводившее трепет на страну, совершенно исчезает из японской истории. Приверженцы старины еще не раз пытаются силою остановить могучее течение, начавшееся в Киото, но они принуждены пользоваться другими лозунгами. Шогун умер и уже не может воскреснуть.

Шогун — венец всего крепостнического строя, шогун — глава разорительной бюрократии, шогун — деспот, отравивший страну ядом шпионства, конечно, был по справедливости ненавистен всем просвещенным людям в Японии. Для них он был символом всех отрицательных сторон их строя. Поражение его было не только торжеством враждебных ему даймиосов, оно было торжеством всех, страдавших под гнетом деспотического строя, всех сознавших вред его.

Между тем, в данный момент самое существование шогуната в Японии оказалось очень выгодным для прогрессивной партии. Все отрицательные стороны крепостничества и деспотизма были по традиции связаны с шогунатом. С именем микадо соединялось представление о чем-то неопределенном, но благотворном. Положим, это благо понималось различно различными элементами, ненавидевшими шогуната и участвовавшими в свержении его. Но во

всяком случае с понятием о микадо не были по традиции связаны представления об исключительных привилегиях одних и о крепостническом порабощении других. С каким социально-политическим строем сольется далее понятие микадо, зависело от взаимоотношения реальных интересов общества и от сознательной воли группы людей, составлявших в данный момент правительство.

Как мы уже не раз говорили, реальные интересы различных групп населения были или казались в тот момент далеко не одинаковы. В то время как эгоистический интерес одних требовал еще большей исключительности и закрепощения, для других не только выгодно, но прямо необходимо было уничтожение всех крепостнических пут и известные гарантии, обеспечивающие личности возможность свободного развития своих сил.

По-видимому, эти интересы настолько противоположны, что столкновения между ними должны были быть неизбежны. А между тем все созидание нового социально-политического строя направляется с первого момента в сторону раскрепощения и гарантий для личности, и противоположные тенденции, хотя и прорываются иногда в форме местного ропота или даже бунтов, ни разу не получают преобладания. В общем коренное переустройство общества происходит совершенно мирно.

Причина этого заключается в том, что изменение строя в сторону более прогрессивных начал удовлетворяло, во-первых, интересам громадного большинства населения, а следовательно внутренним интересам всей страны; во-вторых, оно обеспечивало единство государства и, следовательно, его целостность извне, и, в-третьих, оно соответствовало взглядам и идеалам передовой части тогдашнего общества — лучших из самураев.

Даймиосы начали борьбу с шогуном ради возвращения своих привилегий. Первым поводом для этой борьбы послужило допущение иностранцев, которых они боялись, как всего нового, могущего подорвать основные устои выгодного для них строя. Но как только они достигают цели и свергают шогуна, — события оказываются сильнее их, и движение развивается в направлении прямо противоположном тому, о каком они мечтали вначале.

Падение шогуна касалось не их одних. Все, что было лучшего в стране, радовалось и ликовало вместе с ними. Пали ненавистные оковы, связывавшие свободную мысль, и она неудержимой волной хлынула вперед. Все, что запрещалось и преследовалось прежним строем, теперь естественным образом казалось дозволенным. Все, кто прежде вынуждены были молчать, а последнее время с напряженным вниманием всматривались в совершающиеся события или с оружием в руках принимали в них участие, теперь заговорили. Переводились и печатались иностранные сочинения, издавались собственные книги, брошюры, писались проекты, возникла первая японская газета. Во всех этих произведениях обсуждалось значение происшедших событий, обсуждался павший режим и

высказывались пожелания относительно будущего. Вместе с шогунатом подвергался беспощадной критике и весь созданный им строй. Указывалось на вред крепостного режима, мешавшего свободному развитию производительных сил страны, указывалось на опасность раздробления ее на отдельные феодальные владения с независимыми владетелями во главе. Эти мысли и раньше были у многих, но только теперь они властно вылились наружу и действительно охватили всех лучших людей в стране.

Правительство не имело ни сил, ни желания положить конец этому празднику освобожденной мысли.

Во-первых, ему предстояло немедленно разрешить некоторые настоятельные задачи, и оно не могло разрешить их иначе, как в направлении, желательном для прогрессивной партии, во-вторых, лучшие из представителей этой партии с первого же момента очутились в рядах нового правительства и очень скоро заняли в нем главные места. Временное правительство, учрежденное тотчас же по низложению шогуната, т. е. в январе 1868 года, состояло из президента, которым быть назначен член императорской фамилии принц Арисугава, двух вице-президентов, тоже из рода микадо, 4-х членов от придворной знати и 6 членов от даймиосов. Младшими помощниками им были назначены самураи: Окуба, Саиго, Кидо, Гото, Хирогава, Ито, Имуре Курода.

Через несколько времени область ведения верховного совета дифференцировалась, из него выделились министерства, ведавшие каждое особой отраслью управления. Членами верховного совета и министрами назначались исключительно даймиосы и придворные, самураи же не могли получать места выше помощников. Но при этом одно из первых постановлений нового правительства гласило, что повышения даются только за заслуги. К 1871 году состав правительства существенно изменился, все важнейшие посты были заняты самураями, ни один из даймиосов не сохранил своего первоначального положения. Один этот факт достаточно говорит за то, на чьей стороне была лучшая подготовка и способности.

Прежде всего новому правительству предстояло урегулировать свои отношения с иностранными державами. Пока решение этого вопроса зависело от шогуната, даймиосы с легким сердцем советовали ему прогнать иноземцев. Теперь, когда власть перешла в их руки, они убедились, что сделать это не так-то легко. Во всяком случае, при теперешнем состоянии казны и войска и при господствующим еще в стране беспорядкам об этом и думать было нельзя. Напротив, надо было постараться убедить иностранных представителей, что новое правительство относится к ним с полным дружелюбием и готово выполнить все принятые ранее обязательства. Первый манифест нового правительства, приведенный нами выше, уже подавал надежду, что прежних преследований со стороны правительства микадо иностранцам опасаться нечего. Но надо было яснее проявить свое

теперешнее отношение к ним. Новое правительство не остановилось перед этим. Смело нарушая весь прежний этикет и традиции, оно публично заявило, что молодой микадо примет в аудиенции консулов, и им было послано приглашение на 23-е марта.

Но если двор в Киото так быстро изменил свою тактику, то народ не мог так же скоро отказаться от своих предубеждений. Эта аудиенция сразу нарушала две привычных идеи, — во-первых, что иностранцы — ненавистные варвары, во-вторых, что микадо недоступен для простых смертных, а тем более для варваров.

Молодое правительство решило с первого момента не давать закабалять себя отжившим предрассудкам. Аудиенция состоялась, но на пути во дворец на английского консула напало несколько фанатиков, не причинивших ему, к счастью, серьезного вреда. На следующий же день был издан декрет, в котором микадо заявлял, что всякое нападение на иностранцев будет впредь рассматриваться, как оскорбление ему, — так как он взял их под свою ответственность, — и потому будет наказываться по всей строгости законов.

Приняв эти первые неотложные меры, правительство решило, раньше чем приступать к необходимым реформам, узнать мнение страны, или по крайней мере тех, кто мог считать себя участниками в перевороте, т. е. даймиосов. Немедленно же было послано предложение всем даймиосам прислать двух представителей из каждого хана. 17-го апреля 1868 г. микадо является в верховный совет и в присутствии всех придворных и временного правительства произносит клятву перед богами неба и земли: «искать способных людей, искоренять злоупотребления, предоставлять каждому без различия классов устраивать жизнь согласно своему желанию, объединить империю одними законами и управлять согласно с общественным мнением». (Gourant «Okoubo», стр. 123)

Уже эта клятва при всей своей неопределенности давала почувствовать, какими идеями проникнуто новое правительство и в каком направлении оно намерено развивать свою деятельность. Несомненно, что им руководят уже не реакционные даймиосы, так как объединение страны под одними законами и разрешение всякому устраивать жизнь сообразно своим желаниям далеко не соответствовало их интересам. В то же время возражать против этого теперь, когда от единства страны зависела ее целостность и независимость извне, было, конечно, немыслимо.

Но микадо шел еще дальше. Наряду с объединением страны он говорил об управлении ею согласно с общественным мнением. Никакого формального обещания в этом не заключалось. Тем не менее эти слова показывают, что рядом с юным микадо с первого дня его воцарения стояли люди, имевшие в виду более свободное государственное устройство, быть может, еще не принявшее в их сознании вполне конкретной формы. Во главе этой определенной прогрессивной партии внутри самого правительства стоят Окубо и Кидо. Оба они люди вполне

подготовленные к той выдающейся роли, которую им приходится теперь играть. Они хорошо изучили тяжелое положение своей родины и знают, чего ей недостает, оба получили серьезное японское образование и оба не чужды западноевропейской цивилизации, с которой успели ознакомиться со времени первого открытия гаваней. С Мутсу-Гито они сблизились еще при жизни его отца. В то время, когда даймиосы завязали сношения с Киото, они постоянно посылали туда вместо себя своих самураев, выбирая, конечно, наиболее образованных из них. Так что будущая прогрессивная группа была с давних пор в постоянных отношениях с двором микадо и завоевала доверие будущего императора, когда он был еще мальчиком.

С первого момента реставрации все усилия их и окружающей их группы заключаются в том, чтобы дать своей стране такой государственный строй, при котором все ее богатые природные силы могли бы свободно развиваться. Потребность в этом ощущалась уже давно, от них зависело только, насколько быстро и безболезненно совершит страна переход от старых, отживших форм к новым, назревшим.

Положение этой прогрессивной группы было трудное. Сознательно на ее стороне стояла лишь некоторая наиболее просвещенная часть самураев, из которых происходили они сами. Громадная масса населения, в интересах которой они действовали, была еще недостаточно сознательна и не могла оказать им никакой поддержки. Большинство даймиосов и приверженных им самураев были определенно враждебны им. Только юный микадо с самого начала стал на сторону молодой прогрессивной группы и тем значительно облегчил ее положение. Во всяком случае, им предстояла громадная работа и трудная борьба.

Но они приступили к ней с глубокой верой в ее необходимость и со светлой надеждой на успех. Их главным союзником была жизнь, доказавшая на деле всю необходимость и плодотворность предпринятых ими реформ. И этот союзник ни разу не изменял им, несмотря на все частичные неудачи и разочарования, постигавшие их.

Первый же шаг, предпринятый ими навстречу общественному мнению, принес им жестокое разочарование — 17-го апреля было торжественно открыто собрание даймиосов и их представителей для обсуждения важных вопросов управления.

Микадо снова открыл его речью, в которой он давал следующие торжественные обещания:

«1. Должно быть организовано совещательное собрание, и все меры будут вырабатываться согласно с общественным мнением.

2. Принципы политического и социального строя должны внимательно изучаться как высшими, так и низшими классами нашего народа.

3. Каждый член общества должен пользоваться защитой и помощью в

достижении всех хороших целей.

4. Все нелепые обычаи прежних времен должны быть оставлены, и в основу деятельности должна быть положена справедливость и беспристрастие.

5. Ум и способности должны быть привлекаемы со всех концов мира для прочного возведения основ государства» (В. Муттау. «Япан». 1904 г., стр. 380).

Но когда перешли к обсуждению отдельных вопросов, результат оказался прямо противоположный выставленным в речи микадо тезисам. При решении вопросов об отмене разных отживших обычаев, в роде ношения привилегированными классами традиционных двух мечей и т. п., громадное большинство высказалось отрицательно, т. е. стояло за сохранение их. Вообще собрание, как и следовало ожидать по его составу, оказалось не только консервативным, но прямо реакционным. Очень скоро оно было распущено, не достигнув никакого результата. Через несколько времени оно было созвано вторично при участии чиновников, но результат получился точь-в-точь такой же.

В этом, конечно, не было ничего удивительного, так как оба раза совещательные собрания состояли исключительно из представителей привилегированных групп населения, которым вовсе невыгодно было уничтожение привилегий, выделяющих их в особую касту. Те же классы населения, которые были по существу наиболее заинтересованы в предположенных правительством реформах, не имели никаких органов для заявления своих желаний, и их мнение не могло доходить до правительства.

Прежде чем спрашивать их мнение, надо было дать им возможность сформировать его и способ высказать его. Сколько бы правительство ни повторяло, что оно будет руководствоваться общественным мнением и привлекать к управлению страной ум и способности из всех классов общества, все это должно было остаться пустыми словами, пока общество делилось на благородных и неблагородных, на господ и рабов. До тех пор в стране не могло быть свободного общественного мнения, пока земледелец или ремесленник должен был падать ниц при проходе даймиоса, и самурай мог за малейшее оскорбление безнаказанно срубить ему голову своим благородным мечем. Прежде надо было уничтожить крепостнический строй, одинаково развращавший и высших, и низших, а потом уже призывать общество к выражению своего мнения по вопросам государственного управления. Необходимейшие социальные реформы должны предшествовать политическим. Молодое правительство сейчас же почувствовало это и отложило на некоторое время обращение к стране.

К этому времени уже значительная часть первого состава верховного совета изменилась, даймиосы почти все отстранились, хотя и не без борьбы, а из придворных остались только Ивакура и Санджо. Все остальные были самураи. Но молодежь, окружавшая микадо, чувствовала еще на себе гнет придворной

атмосферы, царившей в Киото и мешавшей им отделаться от стеснительных традиций. В начале 1869 года Окубо вносит смелое предложение перенести столицу из Киото. Монарх должен стоять лицом к лицу со своим народом, говорит он, а здесь его отделяет целая стена придворной знати и вековых предрассудков. Предложение это выслушивается вначале с ужасом. Оставить Киото, где более тысячи лет безвыездно жил микадо, это было равносильно величайшей революции. Но Мутсу-Гито согласился. В Киото это решение произвело сильнейшее волнение. Когда наступил день выезда, тысячная толпа собралась у дворца и с рыданиями умоляла монарха не покидать священную землю. Но молодой микадо был непоколебим. Он приказал нести свои носилки, не обращая внимания на фанатиков, кидавшихся под ноги носильщиков. Из Киото Мутсу-Гито отправился в Осаку, провел там несколько месяцев, потом посетил Иедо и снова вернулся в Киото, чтобы жениться на принцессе Гаруко, нынешней императрице Японии. После свадьбы он окончательно переселился в Иедо, переименованный с этого момента в Токио.

В новой обстановке подготовительная работа правительства пошла еще более ускоренным темпом, не связанная стеснительными рамками традиционного этикета. Идеи, одушевлявшие кружок, работавший в Токио, стали все шире распространяться в стране, завоевывая все больше сторонников. Даже среди даймиосов многие стали приходить к убеждению, что время феодализма уже прошло и что им не вернуть своих прежних привилегий. В сущности, в экономическом отношении их феодальные владения уже давно были им скорее в тягость. Почти все они были в долгу у крупных купцов и при современном положении хозяйства не в силах были улучшить положение ни свое, ни народное. Кроме того, столкновение с европейцами на юге показало им, до какой степени они бессильны в одиночку против западных государств, и убедило их в том, что объединение страны — первое условие ее силы и независимости.

Вообще, одушевление, стремление на деле послужить родине коснулось и их, по крайней мере, лучших из них. 5-го мая 1869 года четыре крупных даймиоса Сатсумы, Чоши, Тозы и Хизен представили микадо заявление, в котором они отказывались от всех феодальных прав на свои земли и живущее на них население.

Конечно, уничтожение остатков феодализма висело в воздухе, это был первый необходимый шаг к свободному развитию страны, но все это не отнимает нравственную ценность поступка четырех даймиосов. Они еще так недавно свергли ненавистную власть шогуна, что могли в известной степени считать себя хозяевами положения и попытаться воспользоваться этим, чтобы хоть на время удержать за собой свои привилегии. Может быть, это и не удалось бы им, но, во всяком случае, это поглотило бы много времени и сил, а, быть может, и много крови. Их великодушный порыв избавил страну от многих бедствий.

Пример самых могущественных из даймиосов подействовал заразительно и на остальных. Волна великодушных чувств поднялась в стране и заставила принести эгоистические соображения в жертву общему благу. 241 даймиос единодушно заявили микадо отказ от всех своих феодальных прав. Только 17 человек упорно не хотели добровольно отказаться от своего положения и ждали, пока их принудили законом.

Казалось, что даймиосам было легче отказаться от своих, хотя и не всегда выгодных, но, во всяком случае, существенных прав, чем от внешних привилегий, за сохранение которых они так упорно стояли на собраниях в Киото.

Теперь правительству предстояло урегулировать новый порядок вещей в бывших владениях даймиосов. В течение года даймиосы еще оставались на местах, управляя делами. В это время в Токио вырабатывался новый порядок управления. 21-го августа 1871 г. правительственным декретом все ханы были объявлены уничтоженными, и страна разделена на 75 провинций или кенов, с правительственными чиновниками во главе. Даймиосам правительство обязалось в вознаграждение за понесенные ими убытки выплачивать около 1/10 части их прежних доходов. Впоследствии эта рента капитализуется, и им предлагается сначала добровольно, а потом и принудительно получить вместо пожизненной ренты определенные суммы единовременно.

В том же самом году был издан еще ряд указов, освободивших общество от остатков крепостничества.

Уничтожены неблагородные и нечистые касты, и все занятия признаны одинаковыми. Разрешены браки между лицами разных сословий. Уничтожены сословные привилегии, и все подчинены одним и тем же законам. Всем людям разрешено заниматься какими угодно профессиями, и том числе всеми отраслями торговли и промышленности. Все привилегии гильдий, таким образом, были уничтожены.

Этим крупным реформам, изменившим в корне весь социальный строй, сопутствовал ряд более мелких указов, уничтожавших традиционные привилегии высших классов, вроде ношения двух мечей, установленных форм одежды, приветствий и т. п.

Весь этот ряд крупных и мелких реформ произвел в стране целую революцию, с восторгом встреченную одними и с глубоким неодобрением другими. В самом начале семидесятых годов реакционные элементы на время совсем стушевываются. Могучий стихийный освободительный порыв, разбивший подгнившие устои прежнего строя, заставил их примолкнуть и выжидать событий. Но как только жизнь входит постепенно в более спокойное русло, и новые порядки начинают пускать корни в жизни, так они наталкиваются то тут, то там на слепое недоверие или даже на прямое сопротивление. К естественному

страху перед новизной тут примешивались и экономические причины. Даймиосы, согласившиеся на все предложения правительства под влиянием охватившего их одушевления, находили теперь, что они заключили очень невыгодную сделку. Обязательный выкуп ренты на неособенно прибыльных условиях, объявленный в 1873 г., более всего раздражил их. На юге опять начинается брожение, но на этот раз уже не в пользу микадо, а против него, или, лучше сказать, против прогрессивного большинства правительства. В 1874 году вспыхивает восстание в Саге, в 1876 — в Чоши, в 1877 — в Сатсуме. Два последние из них отличаются особым ожесточением. Во главе их стоят прежние предводители южных войск — Шимадзу и Саиго Такамори. Саиго уже давно отделился от правительства, не сочувствуя его лихорадочной реформационной деятельности. Но правительство и особенно его близкий друг Окубо были уверены в его лояльности, и Саиго был назначен главнокомандующим части вновь организованных войск.

Тяжелым ударом для Окубы было известие, что на юге снова поднимается реакционное знамя, и что во главе фанатиков стоит его друг — Саиго. Против него тотчас же были посланы императорский войска под предводительством генерала Кавамуры. 24-го сентября 1877 года произошло решительное сражение, в котором войско Саиго было разбито на голову. Сам он получил тяжелую рану и, чтобы не достаться живым в руки неприятелей, попросил одного своего лейтенанта отрубить ему голову.

Силы реакции были сломлены окончательно. Больше уже она не проявлялась открыто, Только еще один жестокий удар нанесла она прогрессивному движению. Двое фанатических приверженцев Саиго решили отомстить правительству за его смерть. 14-го мая 1878 года в глухом переулке Токио они напали на Окубо и убили его.

Для прогрессивной группы правительства это была тяжелая потеря, тем более тяжелая, что незадолго перед тем умер и другой выдающийся государственный деятель — Кидо.

Но направление правительственной деятельности было уже твердо определено, и эти печальные потери не могли серьезно отозваться на нем.

На смену выбывшим явились другие. Одна из главных ролей выпала теперь на долю Ито.

Правительству предстояло еще много серьезных задач. Оно должно было свести в систему раздробленное ранее судебное законодательство, оно должно было упорядочить податную систему, оно должно было реформировать войско, оно должно было поставить на новых началах систему народного образования, и, наконец, оно должно было завершить тот государственный строй, который оно имело в виду с первого момента реставрации.

Во все продолжение 70-х и 80-х годов в Токио идет интенсивная работа,

выражающаяся в целом ряде мероприятий, направленных к упрочению нового строя. Вводится всеобщая воинская повинность, вырабатывается новый уголовный кодекс, вводится система прогрессивного подоходного налога, вся страна покрывается сетью правительственных и частных школ. Но в разгаре всех этих многообразных работ молодое правительство ни на минуту не забывает своей основной задачи, выставленной им еще в первой торжественной речи микадо. Оно не забывает, что дало обещание управлять страной согласно с общественным мнением. Постепенно оно развернуло эту неопределенную формулу в определенное намерение передать управление страной в руки народа.

Еще с 1875 года в Токио была образована постоянная комиссия для выработки основ будущей конституции. Членами этой комиссии были Окубо, Кидо, Ито и Итагаки. Эта комиссия сразу выработала несколько очень существенных мер. Прежде всего она постановила учредить высшую судебную инстанцию — Шинч-ин и строго провести разделение судебной и административной власти на всех их ступенях. Далее, она проектировала высшее законодательное учреждение — Генро-ин (сенат) и урегулировала съезды провинциальных чиновников.

Но самая важная реформа, предложенная ею, касалась местного управления. До тех пор все провинциальное управление было сосредоточено в руках правительственных чиновников, т. е. новое правительство опиралось в сущности на ту же бюрократию, как и шогун. Теперь решено было ввести в провинциях выборное самоуправление. В выборах могли принимать участие все жители провинции, платившие не менее 5 иен налога. Избранные представители населения составляли собрание, собиравшееся раз в год, вотиравшее годовой бюджет провинции и избиравшее свои постоянные органы для заведования местными делами. Закон, утверждавший это местное самоуправление, был подписан 22-го июля 1878 года. С этого момента местное управление стало постепенно реформироваться. Все большее число функций переходило из рук правительственных чиновников в ведение местных избирательных органов.

Этот закон был крупным шагом на пути к коренной реформе центрального управления. Население, или, по крайней мере, некоторая его часть, стала привыкать к идее самоуправления, явились органы, которые хоть до некоторой степени могли служить выразителями общественного мнения страны.

А между тем старые формы административного строя продолжали давить на личность, лишать ее необходимого права участия в созидательной работе правительства. В некоторых кругах общества, особенно среди нарождавшегося промышленного класса, появились признаки неудовольствия тем, что правительство медлит осуществить обещанную реформу государственного строя. Чтобы не осложнять положения внутренними смутами, правительство поспешило успокоить страну.

12 октября 1881 года был издан высочайший декрет, торжественно

подтвердивший обещание даровать стране конституцию и определивший сроком ее введения 1890 год. Текст этого декрета представляет известный интерес, вследствие чего мы приводим его буквально:

«Унаследовав престол, занимаемый нашей династией более 2 500 лет, и осуществляя по праву от нашего собственного имени всю полноту переданной нам нашими предками власти, мы давно имели в виду постепенно ввести конституционную форму правления с тою целью, чтобы наши преемники на престоле руководствовались установленным законом.

Имея в виду именно эту цель, мы учредили в 8-й год Меиджи (1876) Сенат и в 11-й год Меиджи провинциальные собрания, положив, таким образом, основания для главных реформ; причем мы считали, что эти наши действия должны с самого начала убедить вас, наших подданных, в нашей решимости в этом отношении.

Системы управления различны в различных странах, но быстрые и внезапные изменения не могут быть произведены без больших неудобств.

Наши предки в небесах наблюдают за нашими поступками, и мы признаем нашу ответственность перед ними за добросовестное исполнение наших высоких обязанностей в согласии с принципами и с приумножением славы, завещанной нам ими.

Потому мы сим объявляем, что в 23 году Меиджи (1890) мы откроем парламент, чтобы осуществить на деле объявленное нами решение, и мы поручаем нашим верным подданным, образующим наши комиссии, сделать в этот срок все необходимые приготовления для этого.

Что касается ограничения императорских прерогатив и учреждения парламента, мы решим это в будущем и в должное время объявим о том.

Мы усматриваем, что народ наш имеет склонность идти вперед слишком быстро и без той обдуманности и осторожности, которые только одни в состоянии сделать прогресс прочным, и мы предупреждаем наших подданных, и высоко, и низко стоящих, что они должны хорошо помнить нашу волю и что те, кто будет требовать внезапных и резких переворотов, нарушающих мир и спокойствие, вызовут наше неудовольствие». (Stead «Japan for the Japanese», ст. 4)

Этот декрет ясно показывает, что сознание необходимости конституции было уже достаточно распространено в среде интеллигенции, и правительство считало себя обязанным сдерживать чересчур пылких сторонников ее.

С этих пор принимался ряд подготовительных мер для окончательного введения конституции. Наконец, 11-го февраля 1889 года микадо торжественно объявляет учреждение конституционной формы правления и первый присягает в верности конституции. Немедленно же назначаются общие выборы, и в следующем 1890 г. открывается первая сессия японского парламента.

Этим моментом заканчивается «эпоха великих реформ» в Японии. Страна окончательно входит в новый фазис государственного и общественного развития.

Печатается по изданию: Т. А. Богданович. Очерки из прошлого и настоящего Японии. СПб; 1905